

Мария Буркова

*Легенда о героях
Галактики.
Спаси
Императора*

космоопера нового тысячелетия

Мария Буркова

**Легенда о героях Галактики.
Спасти Императора.
Космоопера нового тысячелетия**

«Издательские решения»

Буркова М. О.

Легенда о героях Галактики. Спасти Императора. Космоопера
нового тысячелетия / М. О. Буркова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851016-8

Космоопера — это та Вселенная, что вобрала в себя все известные стили письма, начиная с древних памятников и заканчивая современностью. Удачно совмещающая в себе все жанры не только литературы, но театра и кинематографа. Вершина творческой мысли человечества — и закономерное развитие его истории... Наслаждайтесь — ибо сказано, что «никто не уйдёт голодным».

ISBN 978-5-44-851016-8

© Буркова М. О.
© Издательские решения

Содержание

Спасти императора	6
17 мгновений лета	8
Пролог	8
1. Похмелье от смерти	19
2. Хроника тайного совета	24
3. Два императора	30
4. Дуэль	37
5. Драгоценная Екатерина	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Легенда о героях Галактики. Спасти Императора Космоопера нового тысячелетия

Мария Олеговна Буркова

© Мария Олеговна Буркова, 2017

ISBN 978-5-4485-1016-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Спасти императора триптих

Те, кто знаком с основной частью сюжета «Легенды о героях Галактики», прекрасно понимают, что эта история не закончена... Познакомить читателей и зрителей знаменитой саги с дальнейшим развитием событий – задача этой книги.

Содержание всей фабулы ЛОГГа столь сложно и перегружено событиями и различными колоритными эпизодами, что возникла необходимость изложить их в виде триптиха, в разной манере и скорости повествования.

Таким образом, в первой части работы, «17 мгновений лета», существенное внимание уделяется только тому, что происходило сразу же после мнимой смерти молодого императора Райнхарда, но не выявлена её причина. Зачем она вообще нужна была – этот вопрос не поднимается вовсе. Это связано с основной манерой изложения содержания саги – очень многое следует понять и осознать самостоятельно.

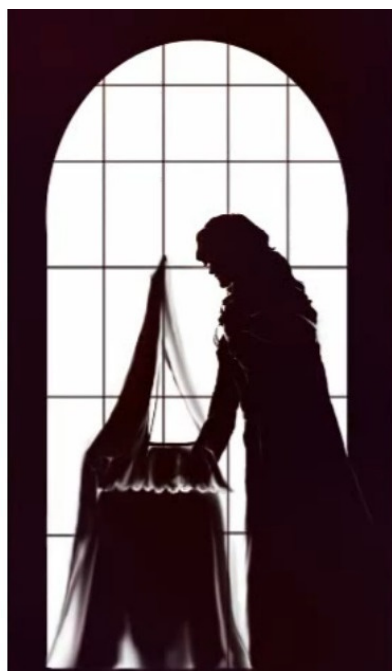
Совместить работу драматурга и повествователя пришлось в «Роковой свадьбе». Вопросы ритуала и этикета столь важны в человеческом обществе, что действие вынужденно застревает на центральном событии – сезоне свадеб после войны чуть дольше обычного. Однако перед нами снова вся Галактика – и те, кто решает её судьбу, отныне и навсегда.

Кульминацией является уже основная часть «Спасти Императора» – просто потому, что кроме очень насыщенного эпизода в стиле экшн именно здесь изложено всё, что произойдёт в ближнем и дальнем будущем империи, республики и всех столь знакомых нам героев – не забыт из них никто. Все оборванные линии сюжета наконец-то сходятся в одно целое.

Не пропустите это космическое событие.

Иркутск. 2016

17 мгновений лета

Пролог

За дорогой видно край,

А за краем – ад и рай.

Говорят: «Умри, но сделай!» – сделай, но не умирай!

Алькор. «Дорожная».

Сначала вроде бы стало легче – прекратилась боль. Райнхард встал, прошёл по помещению, обернулся. Его тело лежало себе на постели, а вокруг стояли все, кого он вызвал или не прогнал. Он слышал, что сказала его императрица, и посмотрел на её лицо. Эта единственная слеза... Ему снова стало больно, как будто от укола в грудь. Как же она будет одна, без него, с ребёнком, да ещё на троне? Зачем он потащился на этот распроклятый Хайнессен и дальше, украв у неё последнее время с ним? Сколько ночей он недодал ей даже то время, что им удалось понять друг друга, сколько раз он не позвонил ей с борта «Брунгильды», лишний раз не улыбнулся? Репутация, разборки с республиканцами – кому всё это нужно? Всё сам, а она теперь – делай вместо него... Биттенфельд был прав, когда вывез его из пожара, устроенного уже мёртвым Рубинским – как ни обидно это признавать. И обидно оставлять всех – просил, стало быть, Миттельмайера остаться живым, а сам... Райнхард утешал себя раньше, мол, все справятся, взрослые, взрослее его на самом деле – но сейчас совсем не было сил смотреть на эти лица, он и не догадывался даже, сколько боли причинил им своим презрением к смерти. А может быть, он был неправ, что согласился? Может, надо было ещё поваляться, потянуть время? Ради них всех – нет, я уже не могу на это смотреть, это невыносимо. Когда-то я считал, что не нужен никому, и у меня есть только два человека, которым я не безразличен – какой же я был дурак...

Он отвернулся и пошёл прочь, сам не зная, куда его несёт. Он чувствовал, что плачет – хотя сейчас, конечно, слёзы не могли падать из глаз и даже застилать свет. Райнхард столько раз представлял себе встречу с Кирхайсом, но сейчас страшился даже мысли об этом – как

сказать ему, что сестра осталась там? И кто, как не Император, должен был о ней заботиться – выдать замуж, кстати говоря? Нет, нас интересовало, как перещегоолять в тактике хитромордого инфантила Яна, вот и вся забава, как у детишек в песочнице... Так заигрался, что не заметил, как сам сломался – и вот теперь люди, которых он повёл за собой и бросил, обречены страдать по его вине. Разве не он потащил в свои игры Кирхайса, который потакал ему из вежливости? И сколько ещё блестящих людей отдали свои жизни ради его игры, вообще-то? Что бы там не говорили, а императором он был плохим – не больно-то интересовало его на деле, чем живёт его империя, а исполнять обязанности он просто привык, как всякий дисциплинированный солдафон. И уж как он привык сваливать неподъёмное на свиту – сам даже не заметил того. И эти... ошибки от дурости. Зачем назначил Трюнихта снова на Хайнессен, чтоб тот выжал последние силы из Ройенталя? Да и того выставил вон, делай, мол, что мне не под силу – он был старше, оттого и сломался страшнее. Что он скажет, кстати, об этом Кирхайсу – помнится, они втроём спасали сестру в его отсутствие, когда Флегель подставил маркизу как главную вдохновительницу убийства, а ведь дело-то всего лишь было в его, Райнхарда, неосторожных словах и манерах.

Пустота, какой-то сумрак. Хотелось свернуться в комок и рыдать – ничего такого при жизни он себе не позволял, мало ли, увидит кто. Вернуться назад не было возможности, идти вперёд – не было сил от душившего стыда. При жизни ему всегда помогали в такие минуты – сначала сестра, потом Кирхайс, потом Оберштайн, Хильда, Эмиль. Он воспринимал это как должное, не думая, чего это каждому стоило. Он предпочитал думать, что уйди он из их жизни – всё будет тихо и спокойно, и все избавятся от хлопот. Бессердечный эгоист, как же поздно он понял, сколько боли причинил тем, кто шёл за ним следом. Даже на Оберштайна обиделся, не увидев его у своей постели. Забыл, кто вытирал тебе слёзы после смерти Кирхайса? Кто закрывал тебя своей рукой, когда Кирхайс принял на себя весь удар убийцы – было ведь, моё величество, было же, чего уж сейчас-то делать вид, что не заметил. Кто тебе трижды спас трон и предлагал себя уничтожить, чтоб только Ян покинул этот мир и не раздражал тебя своим существованием? Кто принимал на себя всю ненависть, что вызывало твоё имя, а, Император? А ты даже не озаботился вмешаться – и вот тебе погибель Ройенталя, вот тебе смерть Лютца, вот тебе весь дальнейший позор на Хайнессене. Эх, как бы хотелось попросить хоть за это прощения – отчего-то Райнхард не сжимался в комок нервов в обществе Оберштайна, как перед другими, и чувствовал себя свободно. Он знал, что извиняться перед ним не будет трудно – может, оттого, что пережал в их встречу, когда тот просил его о помощи после бегства с Изерлона, а может, из-за того, что Оберштайн сказал ему перед похищением последнего Гольденбаума. Стоп! Последнее ещё раз вспомним-ка! Уж не оттого ли не было рядом Оберштайна, что... он же человек, что бы там не болтали раздолбаи-адмиралы на совместных попойках... Он чем там занимался, террористами? Ах да, идиот, я же сам ему это приказал. Здесь всегда так холодно, или я опять понял, что промахнулся?

Райнхард сжался, кутаясь в плащ, уже не смущаясь, что колени уткнулись в грудь. Его трясло даже не от холода – стыд плавно перешёл в припадок ужаса, а рыдания получались тут бесслезными и беззвучными, и страшно угнетало сознание того, что сейчас ему уже никто не поможет. Никто не придёт, не успокоит, переключив его на что-нибудь житейское, вроде чашки кофе, и не скажет ничего одобряющего. Но даже такая чудовищная вечность его бы вполне устроила, только бы люди, которых он покинул, не страдали бы от этой потери. Но он ничем не мог им сейчас помочь. Он даже не мог сейчас извиниться ни перед кем. Он бился в истерике и ревел от бессилия – и это продолжалось неизвестно сколько.

Это было очень странно и невозможно, но чья-то рука сжимала плечо Райнхарда. Она держала его крепко и спокойно, не вызывая боли, и иногда встряхивала. Неужели не показалось и такие вещи бывают и здесь? Хотя отчего же, если он сам не хотел никого видеть, ещё не означает того, что никто не хочет видеть его. Ах, он опять позорится, что за несчастье.

Райнхард встал, хотя сил для этого не было. Встал, как тогда, на «Брунгильде», когда флагман Яна взял его на прицел – от происходящего не прячутся. Помнится, Кисслинг хотел его тогда связать и заставить покинуть корабль, но не пришлось – жаль, может, это послужило бы Райнхарду хорошим уроком...

– Император, – услышал он тихий, вежливый голос.

Райнхард ничего не видел – наверное, от нежелания видеть что-либо, – и только замотал в ответ головой:

– Император уже умер, – бесцветно ответил он в холод. – Остался неудачник.

Раздался добродушный смешок – и как будто голос был знакомым...

– Корону нельзя снять, надев её раз своими руками, или Вы не знали об этом, Ваше величество? Хотя никто не спорит, ноша тяжёлая. Так что не смущайтесь, иной раз ощутить себя обычным беззащитным человеком – это совершенно нормально. Вы не больно-то себе позволяли человеческого – вот и надорвались. Бывает.

Райнхард был рад и этому – во всяком случае, ему полегчало. Но приходилось держать марку...

– Что значит не позволял себе человеческого? – с удивлением переспросил он. – О чём речь?

В ответ вполне добродушно рассмеялись.

– Молодой человек, Вам всего 25 – а это возраст взросления юноши, к которому многие приходят уже мужчинами. Вечная драка – это ещё не всё, чем занимаются в Вашем возрасте. Да и мундир носить постоянно – очень вредно для человека, который рос без семьи. Вы хоть раз на пляже-то отдыхали, уж не говоря о более весёлых забавах? Думаете, это мелочи? Зря. Вы за будущей женой, помнится, даже не ухаживали толком – не оттого ли она не знала так долго, чувствует ли что-то к Вам? Хотя конечно, чувствовала – ещё до катастрофы с крепостями, только Вы вот всё видели и ни о чём не думали, верно?

Случись такое при жизни – Райнхард бы покраснел от гнева и взорвался. Сейчас он как будто грустно вздохнул.

– С кем это я говорю? – с досадой проговорил он, ощущая себя, словно пытался открыть глаза и не мог. – Для моей совести это слишком умно, для человека слишком заносчиво, для Бога – слишком примитивно.

Из холодного тумана раздался грустный вздох.

– Да, слишком чист, чтоб всерьёз зацепить. А ведь всего лишь оружие Бога. Такой маленький, но уже целый император, – это уже было произнесено с каким-то ехидством. – Ладно, раз уж Вы спросили, Ваше величество – придётся ответить. Вы правы, к Богу Вам ещё рано – разве только кто ещё захочет Вами заняться. Но и в нашей восхитительной теме Вы не к месту абсолютно, так что у костерка погреться не позволю, – беззлобно прохихикал обладатель голоса и смолк.

– Чертовщина натуральная, – фыркнул Райнхард. – Зря я не изучал богословие в своё время, иначе бы понимал больше. Впрочем, где мне было его изучать, да и с моими амбициями, ох...

– Может быть, Вы что-то хотите ещё? – вежливо спросили тем же голосом.

– Где Оберштайн? – с прежним апломбом повелителя потребовал Райнхард. – Я его не видел и не извинился перед ним. Куда он подевался, извольте сообщить!

Ответа не последовало вовсе. Зато пропала пелена с глаз – Райнхард увидел, что находится в каких-то странных потёмках, здесь не было светло, но и темнота отсутствовала. Протянув руку, как в детстве за звездой, он увидел её – но звезд не было и в помине. Где-то вдалеке, куда хватало взора, угадывалось что-то вроде стен, увешанных какой-то мишурой – это напоминало театральные декорации.

– Я здесь, Ваше величество, – послышался знакомый голос, который не оставлял сомнений в том, кто это. Райнхард резко обернулся – и увидел знакомую фигуру, также ростом чуть выше себя, как и при жизни, бледное лицо с неживыми глазами. . .

– Так я и знал, но ещё надеялся, что не настолько плохо, – произнёс он, поникнув головой. – Раз Вы здесь, значит. . . – он вдруг понял, что говорить дальше бессмысленно, и осёкся. – Я не просил Вас исполнять сказанное, Оберштайн! Зачем Вы умерли без моего разрешения, а? – голос сел до интонации обиженного ребёнка. – Не говорите только, что это была государственная необходимость, пожалуйста.

– Вы о многом не хотели меня просить, Ваше величество, но оно не значит, что этого не нужно было делать, – вежливо ответил тот и почтительно поклонился.

– Я был плохим сюзереном, – грустно сказал Райнхард. – Простите меня.

– Это не так, – как всегда, спокойно откликнулся Оберштайн. – И не терзайтесь понапрасну, я сам сделал выбор и не жалею об этом.

– Где мы? – с надеждой спросил Райнхард. – Что нас ждёт?

– Трудно сказать, – с горьким вздохом сообщил собеседник и закашлялся, – выяснить толком так ничего и не удалось. Меня атаковал здесь какой-то мерзкий монстр, и он оставил меня только после того, как услышал, что Вы произнесли моё имя.

Райнхард с досадой пожал плечами. И здесь Оберштайн молча помогает ему. . .

– Значит, хоть что-то я ещё могу, – с грустью сказал он. – Ах, если бы мог избавить от боли всех, кому её причинил, – его взгляд упал на разорванный бок Оберштайна. – Это ещё что такое, оттуда или здесь уже?! – собеседник промолчал, и Райнхард вдруг обнаружил в памяти то, чего там быть не могло – он понял, что сам уже знает, при каких обстоятельствах был смертельно ранен его министр. – Вы зря так поступили, хотя Ваши резоны мне понятны, – сокрушённо заметил Райнхард и взялся отрывать кусок от своего плаща. Хорошенько забинтовав рану, он почувствовал себя лучше. Оберштайн молча пожал его руку, почтительно склонив голову. Где-то невдалеке в тумане послышалось шуршание, скрежет, как будто чьи-то огромные когти царапали какую-то твердь, и раздался отвратительный вой. Райнхард властно отстранил Оберштайна, попытавшегося загородить его собой:

– Отставить, я пока здесь командир. Если оно за мной, Вы мне не поможете, а если за Вами – пусть сначала докажет, что имеет право трогать моего советника.

Из туманной полумглы вынырнуло довольно мерзкое на вид огромное – в четыре человеческих роста чудовище, похожее на некое членистоногое. Оно излучало впереди себя такую злобу, что окружающий холод казался комфортной средой. Вне всякого сомнения, монстр намеревался для начала разорвать в клочки людей – и уж не вызывало сомнений, что это будет ужасно больно, для начала. Страшно захотелось сжаться, упасть на колени и завывать от ужаса, закрывая лицо руками. Райнхард сделал шаг вперёд, загородив собой фигуру Оберштайна, и гордо поднял голову, уложив ладони рук себе на талию:

– Это ещё что за нечисть сюда явилась? Почему бы тебе не убраться вон, пока есть возможность? – с презрительным высокомерием проговорил он.

Чудовище затряслось, продемонстрировало готовность прыгнуть и атаковать, но не приблизилось.

– Коли нечего сказать, не занимай моё время, – невозмутимо пожал плечами Райнхард. – Прочь, – он сделал ленивый жест рукой и не пошевелился.

Полутьму прорезал выстрел из бластера. Луч шёл откуда-то справа, и пришёлся по середине корпуса монстра – тот с жалобным воем вскинулся и ринулся прочь, исчезая в клочках тьмы. Райнхард медленно повернул голову в сторону, откуда стреляли. Ему было тяжело и страшно не хотелось смотреть туда, но он старался об этом не думать вовсе. Однако увиденное вмиг заставило забыть об этом – там стоял невозмутимый Лютц собственной персоной, опустив винтовку. Он молча застыл в почтительном поклоне, увидев, что замечен. От привыч-

ной чопорности Райнхарда не осталось и следа – он бросился обниматься, как разнервничавшийся юноша:

– Лютц, Вы меня тоже не оставили! Но зачем Вы умерли, я же просил Вас выжить, помните?

– Снайпер, – скромно ответил тот. – Я просто не успел, вот и всё. Простите меня, мой император.

– Если кому и стоит просить прощения, так это мне, – вздохнул Райнхард, заметив рану на виске Лютца. – Вечно я раздаю распоряжения, которые губят моих людей, – он снова оторвал кусок плаща и забинтовал уже эту рану. – Вы не знаете, что это было такое, что Вы только что подстрелили?

– Похоже, как раз тот, кто убил меня на Урваши, просто в своём истинном обличье, – пояснил Лютц. – Тут полно подобной публики – при жизни в основном они были республиканцами, ненавидящими нас и Вашу династию, мой Император. Жаль, что Вы прибыли так рано – мне ещё хватает работы. Я бы предпочёл, чтоб Вы наделали кучу детей и внуков, прежде чем прибыть.

– Так Вы здесь один? – снова похолодел Райнхард.

– Не совсем так. Здесь все адмиралы, кроме двоих, но они крепко спят – их невозможно разбудить. Я пытался, но потом понял, что это произойдёт само, но очень нескоро, и тревожить их незачем.

– Кого нет? – холодея ещё больше, осведомился Райнхард. – Если тут не все, то это ни разу не Вальгалла, а чёрт знает что.

– Невозможно попасть к Ройенталю – там постоянно что-то мешает, и никак не получается пройти. И нет никаких следов Кирхайса – похоже, он был слишком хорош для этого мира. Что касается Вальгаллы – что-то я уже всерьёз начал сомневаться в её существовании, – ухмыльнулся Лютц, пожимая плечами, как от холода. – Тут постоянно что-то происходит, кто-то появляется, после исчезает – но похоже, это некий транзитный вокзал огромных размеров между светом и тьмой, который сам однажды исчезнет по приказу свыше, но уж точно не под звук Гьялахорна.

– Тогда я хочу видеть Ройенталья, раз он здесь, – задумчиво проронил молодой император. – Потом подумаем, как быть дальше.

Неподалёку вспыхнул некий неяркий свет, и стала видна какая-то тропинка у входа в нечто, очень похожее на пещеру в лесу. Райнхард неторопливо кивнул головой – он уже смутно начал о чём-то догадываться – и сделал шаг в эту сторону. Потом ещё. Пещера не отдалялась, и он сделал рукой знак своим спутникам обождать. Каждый шаг давался с серьёзным трудом, но Райнхард сурово двигался по тропе – он не собирался отступить.

– Ройенталь, ну где же ты, – тихо говорил он больше для себя, чтоб двигаться дальше, – я же давно простил тебя, нам пора увидеться. Я сделал ошибку, отправив тебя на эту проклятую планету, что свела тебя с ума и убила столько наших офицеров, но разве это повод сердиться на меня сейчас? Будто ты сам не ошибался – вспомни свои кошмары при Изерлоне. Ройенталь, услышь меня и появись. Ради Миттельмайера и твоего сына, Ройенталь, слышишь меня?

Когда Райнхард прошёл почти половину тропы, перед ним возник рослый силуэт в скафандре без шлема и преградил путь. Человек высокомерно улыбался, вызывающе скрестив руки на груди, и всем своим видом давал понять, что не позволит пройти, как минимум. Райнхард хотел с вызовом осведомиться, кто этот самодовольный наглец, но вдруг вспомнил это лицо и всё, что знал о нём от Юлиана Минца...

– С дороги, Шёнкопф, ты мне не нужен, – тихо и властно приказал Райнхард, спокойно глядя в глаза противнику. – После поговорим, может быть.

– Уж извините, Ваше величество, но Вы не тот, кто имеет право отдавать мне приказы, – преме́рзко осклабился в ответ флибустьер удачи. – Я сам Вас еле не грохнул, если помните.

– Да уж, того, кто смел отдавать тебе приказы, ты сначала втянул в бессмысленную бойню, хотя он просто хотел спокойно себе жить с женой, а после позволил его убить, хотя мы оба хотели увидеться вновь, – спокойно проговорил император. – А ещё ты бросил девушку беременной на третий день знакомства, потом так же бросил на произвол судьбы собственную дочь, ни разу не обняв её. Ты хвастался на весь космос тем, что дрался не на равных с моим адмиралом – а между тем это ты сбежал от него, как только он решил наконец атаковать тебя, хоть был не в защите, как ты. Что же касается меня – конечно, зарезать лежащего в лихорадке весьма доблестно для крутого воина вроде тебя, только вот там ещё стоял Миттельмайер, если помнишь – а он как раз тот, кто и одолел Ройенталья. Он, а не ты – так чем ещё побахвалишься, ущербное наследство Гольденбаумов? – с холодной усмешкой закончил он, нисколько не расстроившись при виде гримасы ненависти, появившейся на лице противника. – С дороги, мне такие не нужны.

– Как ты ещё смеешь мне такое говорить, белобрысый сопляк?! – взревел капитан. – Ты не тот, кто имеет право меня судить! Я... умер в бою, а ты... ты...

– Тебе перечислить всех, кто умер в бою против меня из тупого упрямства? Ты в хорошей компании тогда – вместе с теми, кто сжёг Вестерленд, – спокойно продолжил Райнхард. – Или ты полагаешь, что очень обрадовал своей смертью своих друзей, Юлиана Минца и свою дочь? Да, ты их так обрадовал, что Поплан попросился к Валену пилотом – слишком многое они пережили на Земле, раз он так повзрослел, хотя и младше тебя. А остальные не захотели быть марионетками Трюнихта – хватило им примера бедолаги Яна, но даже Трюнихта прикончил Ройенталь, а не ты. Как ты думаешь, кому было сложнее избавить мир от этой раковой опухоли – тебе или ему? Ты, призывавший Яна расстрелять меня, что сделал ты, когда Трюнихт отдал мне всю территорию вашего Союза – спокойно смотрел, как эта гниль скрывается за моей спиной? Может, тебя так пугали охранявшие его культисты – тебя-то, с твоими легендарными розенриттерами? Что-то моих соратников культисты не напугали, как видишь – именно поэтому я умер не в бою, а простившись с женой и сыном, а несчастный Ян – от выстрела недомерка, пригретого Трюнихтом! И кто из нас двоих теперь сопляк, подумай-ка малость?

– Ты... – в бессильной злобе прохрипел Шёнкопф, – ты вообще не должен был появляться в этом мире! – и бросился на врага с боевым ножом.

Райнхард успел присмотреться к нему, дабы аккуратно уклониться от удара, но даже этого не пришлось. Нападающий как будто ударился о невидимую преграду и шмякнулся на тропе в четверти шага от ног молодого императора. Похоже, удар был слишком силен – упавший остался недвижим и с прикрытыми вроде как от боли глазами. Райнхард хотел нагнуться к нему и посмотреть, но тело вдруг быстро потащило прочь с тропы куда-то некой неведомой силой, и голос, который разговаривал с Райнхардом из тумана, весело промурлыкал:

– Ах, ну хоть что-то уже на сегодня, а то было опасение, что этот дурачок может вздумать присягнуть этому венценосцу. Хватит и того, что Машунго уже потерял.

Райнхард упрямо шагнул вперёд и пошёл дальше, сам не свой от мрачной догадки. Старики Меркатц и Бьюкок, возможно, даже сам Ян-Чудотворец, теперь ещё и этот раздолбай Шёнкопф, похоже, их настигла некая ужасная участь, но Ройенталю, видать, хуже того намного...

– Эй, там, – приказал он в полутьму, окружавшую его – извольте отдать мне Ройенталья, я сказал!

Послышался грустный вздох:

– Может, не стоит, Ваше величество? Зачем Вам этот мятежник, да и он сам вряд ли захочет Вас видеть, кроме того...

Райнхард не стал слушать дальше и прогремел ещё жёстче:

– Отдать мне Ройенталья немедленно! – он вдруг понял, что наделал в своё время своим указом о назначении друга на пост генерал-губернатора: пока он и Миттермайер были рядом,

бесовщина не могла прорваться к мятежной душе и подчинить её себе полностью. Но, оставшись один, Ройенталь не смог справиться с атаками нечисти, как ни боролся. Всё же, он был совсем одинок – ничья любовь не укрывала его от разрушения, и даже детство Райнхарда выглядело безоблачным по сравнению с судьбой Ройенталья-ребёнка. Ах, знал бы больше, сколько б всего можно было избежать... Тропа закончилась. Голос простонал что-то невнятное и смолк, будто удаляясь.

Пещера зияла пустым проёмом в полтора человеческих роста – можно было свободно пройти даже втроём, но решительно ничего не было видно из-за густых клубов не то пара, не то дыма, полностью закрывавших этот проём. Слышался какой-то нехороший гул.

– Мрачная штукавина, – процедил себе под нос Райнхард, – и, как назло, я не знаю ни одной молитвы. Куда же они дели Ройенталья? – и, решив не раздумывать, шагнул вперёд, в неизвестность.

Здесь было гораздо светлее, чем снаружи – стены светились чем-то кроваво-оранжевым, было душно, как будто вернулась адская жара при лихорадке – вот только ничуть не теплее. Какие-то не то летучие мыши, не то и вовсе упыри метнулись вглубь при его появлении. Райнхард увидел в нескольких шагах впереди очень тучную лысоватую фигуру в каком-то мешковатом одеянии, которая показалась ему очень знакомой, рядом с ней угадывался силуэт престарелого высокомерного аристократа – они стояли спиной к входу, явно занятые чем-то очень увлекательным для себя, и каждый держал в правой руке электрохлыст. Увидев он такое при жизни, Райнхард бы окликнул их привычным громовым голосом, тем более, что аристократ очень напоминал ему... Лихтенладе. Но сейчас появилась озорная мысль приблизиться неслышно – и, кажется, это было вполне возможно. Вообще-то, будучи здоровым, он почти не уступал в сноровке собственным адмиралам – и быстро завладеть электрохлыстами и ударить обе фигуры как следует было совсем нетрудно, трудно было сначала услышать знакомый голос, который не то стонал, не то хрипел: «Мой император», а потом увидеть дальнейшее... Ройенталь стоял на коленях, со скрученными наручниками за спиной руками, мундир свисал с окровавленных плеч жалкими остатками и превратился в лохмотья. Страшный железный ошейник огромными шипами внутрь впился в его шею, а цепь от ошейника была так натянута, что становилось ясно, что пленник стоит только потому, что она ещё держит его. Спина была похожа на одну сплошную рану – от таких пыток при жизни люди быстро погибали, видимо, здесь истязания могли продолжаться сколь угодно долго.

– Что за гнусная забава в стиле Гольденбаумов, – с негодованием прорычал Райнхард и ударил Ланга и Лихтенладе ещё раз с хорошей отяжкой, – кто вам тут разрешил так развлекаться, подонки?

Оба негодяя могли долго соревноваться между собой, чья физиономия выражала больший ужас, они едва ли не мгновенно подскочили после удара и очень проворно кинулись прочь, ничуть не уступая в скорости прочей, уже сбежавшей нечисти.

– Хозяин, хозяин, – завывали они на все лады, – катастрофа, император добрался и сюда! Спаси нас, хозяин!

– Да пошли вы в котёл, придурки, – скучающим тоном ответил из ниоткуда уже знакомый голос, обладателя которого так и не было видно. – Вам там самое место.

Райнхард бросил хлысты на пол – тот оказался каменным, и стало возможным разглядеть боевой нож, отчего-то лежавший там. Молодой император подобрал его и занялся оковами – это было хоть и нетрудно, но мучительно. Ройенталь смотрел на него взглядом затравленного зверя, смирившегося с погибелью – похоже, он не мог поверить в реальность происходящего. Райнхард снял с себя плащ и осторожно укутал друга:

– Прости, Ройенталь, я не знал, что тебе так больно. Ты сможешь идти сам или тебя лучше нести?

– Мой император, мой император, – горьким шёпотом проговорил пленник, и его плечи затряслись от рыданий, – зачем Вы здесь так скоро, Ваше величество? Я не заслужил этой милости, я... я ведь действительно хотел...

– Ройенталь, я спросил тебя, сможешь ли ты идти со мной, а остальное мы можем и потом выяснить, если будет желание, – радушно, но твёрдо сказал Райнхард. – Даже не жди, что я оставлю тебя здесь – да и Миттельмайер мне бы этого никогда не простил. Твой сын играет с моим и уже хватал звезду с неба – что за чепуха вспоминать бред, навеянный лихорадкой, а?

– Мой император, – едва слышно прошептал Ройенталь в ответ и поник головой, – простите меня.

– Так, – Райнхард обнял его за шею и осторожно уложил лицом себе на плечо, – в таком случае я приказываю. Немедленно успокойся и ступай со мной, слышишь, Ройенталь? Всё, встаём, пошли, – он аккуратно поднялся на ноги, заставляя друга подниматься с колен. – Нечего тебе больше бояться – испугался невесть чего, вот тебя и схватили. Идём, – покровительственным, но добродушным тоном сказал император и подал руку своему адмиралу, но не ладонь, а предплечье и локоть. Тот, чуть помедлив – он выпрямлялся, принимая прежнюю осанку – поняв, что Райнхард не хочет обнимать его за плечи, чтоб не потревожить его раны, вежливо положил свою, и вовремя – это движение вызвало столь сильную боль, что Ройенталь против воли вскрикнул.

– Не стоило принимать мои попытки важничать столь всерьёз, – спокойно сказал Райнхард. – Я так же рехнулся после ухода Кирхайса, а тут ещё и сестра меня бросила, вот я и ляпнул чепуху. А ты мог бы извиниться даже после Урваши – и ничего этого не случилось бы. Так что оба хороши, знаешь ли. Держись крепче, и пошли.

– Мой император, – тихо сказал Ройенталь, однако ступая рядом с ним шаг за шагом, – это слишком великодушно с Вашей стороны, я недостоин... Мне лучше бы вообще не родиться...

– Молчи, дуралей, – сурово оборвал Райнхард, – кто бы тогда вытаскивал меня под Вермилионом, или тебе весь список припомнить? Если твой отец был урод, это не повод воспринимать его слова как истину. А истина в том, что он после таких слов не имеет права называться твоим отцом – как и мой, ты знаешь, после чего. Я забрал тебя и у него и у Гольденбаума в тот вечер, когда ты пришёл просить за Миттельмайера, и не собираюсь ничего менять. Так что больше над тобой нет ничьей власти, учти, объявляю это тебе своим именем и именами наших сыновей.

– Повинуюсь, мой император, по своей воле, – негромко ответил Ройенталь, но после этого пол как-то подозрительно дрогнул. Это оба решили проигнорировать.

Они подошли уже почти к краю пещеры, когда в её проёме возник Трюнихт. Он смотрел на них с насмешливой брезгливостью, но загораживал проход ничем не хуже Шёнкопфа. Ройенталь заметно дрогнул, и Райнхард величественно кивнул ему:

– Это уже тоже не твоя забота, тихо. С дороги, господин торгаш, я не желал встречи и сейчас не желаю, – жёстко и безапелляционно прикрикнул он на Трюнихта. – Прочь!

– Так я же не то, чтобы к Вам, Ваше величество, – слащаво до тошнотворности проговорил тот, не двигаясь с места и с нехорошим удовольствием потирая руки, – но дело в том, что я несчастная жертва произвола, и с моей стороны вполне логично требовать справедливости, будучи убитым без оружия, и вот я...

– Если требовать справедливости, – хмуро усмехнулся Райнхард, – то я скорее заинтересуюсь воплями тех, кого ты толкнул к гибели, заставив воевать против меня и моих вассалов. И тех, кого ты постоянно использовал и бросал на произвол судьбы – подробных сведений у меня хватает. И я не демократ, как известно.

– Ваше величество также обязаны мне – ведь я настоял на отдаче приказа Яну о капитуляции! – Трюнихт заметно удивился и потерял значительную часть своей самоуверенности, в его глазах промелькнул страх.

– Которого Ян ждал, как воздуха, не желая меня убивать, ага, – саркастически продолжил Райнхард. – Не лги уж, хоть это и твоя профессия. Ты видел, что Союз обречён, и искал путь выскочить в Империю, только и всего. Я бы сказал, что Ройенталь поступил с тобой максимально вежливо, учитывая все твои заслуги передо мной. С дороги, воплощение бесчестия! Зря я не бросил тебя в толпу, прибыв впервые на Хайнессен.

Трюнихт суетливо ретировался, но тут же из пустоты раздался прежний голос:

– Отдайте Ройенталья, Ваше величество, у меня есть, что Вам предложить.

Райнхард шагнул из пещеры, увлекая за собой своего вассала.

– Я не торгуюсь. Если мне что понадобится – беру сам. Предлагайте, я подумаю, что мне захочется взять ещё. Только республиканцев мне не нужно – пусть свою демократию у вас делают.

В ответ раздался леденящий душу вой, но отчего-то сейчас он совсем не воспринимался как опасность. Зато гнев и отчаяние читались там без малейшего труда. Когда оба вышли на тропу, Райнхард улыбнулся и помахал рукой ожидавшим его Оберштайну и Лютцу, затем посмотрел на Ройенталья. Тот смотрел на него глазами преданной собаки, которая слишком долго скиталась без хозяина.

– Вот так невероятно – у него и это получилось! – только и смог проговорить Лютц, покачав головой.

– Да уж, ни один император ещё не спускался за своими подданными в преисподнюю, – задумчиво произнёс Оберштайн. – Что-то не припомню я такого в истории человечества. Похоже, это ещё не все чудеса, которые нас ожидают, в таком случае.

– Действительно, впечатляет, – услышали они чей-то дребезжащий голос. – Но не очень, честно говоря.

Обернувшись на голос, они увидели старика в форме исчезнувшего навсегда Союза, который опирался на внушительную трость и с любопытством глядел на идущих по тропе друзей.

– Это ещё что за хрыч? – бесцеремонно осведомился Лютц, поигрывая винтовкой. – Наглый, как все мятежники.

– А, так это знаменитый герой драки при Мар-Адетта, – пренебрежительным тоном пояснил Оберштайн. – Он отказался сдаваться, восхваляя демократию – дескать, дружба между хозяином и слугой невозможна.

– Ага, они в верности только этот маразм и видят – явно судят по себе, рабы своей тупости, – фыркнул Лютц. – Как известно, адмирал Кирхайс был другом детства нашего Императора – или это им тоже ни о чём не говорит?

– Просто они заткнули уши и глаза, не желая воспринимать реальность. Быть ущербными гораздо удобнее – можно всегда найти оправдание собственной злобы на весь мир.

Тем временем Райнхард тоже увидел Бьюкока и радушно кивнул ему, остановившись:

– Вы со мной, сударь? Так подходите тогда.

Старик отрицательно покачал головой.

– Республиканец не может пойти за самовластным правителем.

Райнхард независимо тряхнул головой – однако было заметно, что он уже равнодушен.

– Затвердил пустую мантру, – не сдержался Ройенталь. – Ты так ничего и не понял, старый дурак? Кто тебя здесь заставляет быть республиканцем? Вашу демократию породил ад, но вообще-то согласно её принципам Император легитимен – это понимали даже Минц и Ян!

– Это бесполезно, – ответил ему Райнхард. – Республиканец не уважает никого, в том числе себя, – повернувшись к Бьюкоку, он с лёгкой издёвкой пропел несколько фраз, глядя тому в глаза. – «Лбы разбиты до крови от земных поклонов, мы такие борзые, знайте нашу прыть – мы своих угробили тридцать миллионов, это достижение вам не перекрыть». Или не республика предпочла уничтожить собственного Чудотворца, а? Вы воевали за неё всю

жизнь – так что в моих глазах подписались под всеми её преступлениями, и нечего кивать на Трюнихта!

– Вы безжалостны, император, – опустил глаза Бьюкок.

– А я вам ничего не должен вообще-то, или это никогда не приходило Вам в голову? Многие так удивляются, когда ведёшь себя с ними так же, как и они с тобой – вы не замечали этого разве, ослеплённые своими фальшивыми добродетелями? Хорошо, устранив меня, кого Вы предложили бы миллиардам моих подданных – вашего Трюнихта с гвардией головорезов из деструктивного культа, творящих любой беспредел? Отправляйтесь в ад с такими подарками – вот что Вам ответили бы, милейший. Или Вы берёте на себя ответственность уничтожить сперва эти миллиарды не согласных с Вами? Тогда нам точно не по пути, Вы правы, – Райнхард отвернулся от него, не обращая внимания на выражение ужаса на лице старика, и двинулся к поджидавшим Оберштайну и Лютцу.

– Именем демократии творятся любые мерзости, – проворчал Ройенталь, двигаясь рядом. – Главное – найти козла отпущения, потому что ни у кого нет ответственности ни за что. Скольких я наказал за настоящие преступления, а они были уверены, что им ничего не грозит при прежнем порядке.

– Ага, и вспомним, чем тебе за это оплатили, – в тон ему заметил Райнхард. – Это какая-то проклятая планета – столица этой республики. Даже Оберштайн там не очень преуспел, похоже, они вообще разучились нормально жить, и кроме как партизанить, ничего не умеют.

– Ах, а я ведь виноват перед Оберштайном – он ведь не желал мне того зла, которое я ему приписывал...

– Это тебе Ланг сказал? – улыбнулся Райнхард. – Такой хороший семьянин, по словам Кесслера...

– Я сам это понял через некоторое время после ранения на «Тристане».

– Почему не обратился напрямую ко мне? Все искали способ тебя вытащить живым – и я тоже. Мы бы даже придумали, как спасти твою репутацию – или до сих пор сомневаешься?

– Нет, не сомневаюсь, но... – он не договорил и рухнул перед своим императором на колени.

– Ладно, отставить, вставай, – потребовал Райнхард. – Сейчас я знаю больше чем достаточно. Тема закрыта.

Райнхард оставил Ройенталья поговорить с Лютцем и Оберштайном, а сам крепко задумался. Он странным образом ощущал сейчас, что остальные его погибшие адмиралы теперь совсем рядом с ним, но встречаться с ними ещё рано. Яна Вэньли он вообще видеть не хотел – во всяком случае, на данный момент точно. Решать тактические задачки ему надоело ужасно, разговаривать о демократии опротивело, а больше их ничего и не связывало, кроме дуэли при Вермиллионе. На ум пришли слова, брошенные как-то Кисслингом кому-то из его подчинённых: «Наш Император накануне драки отослал свою даму в безопасное место, а этот республиканский лоботряс не нашёл лучшего времени для помолвки, представляете? Экая пошлость и безответственность, право!». Да, но далеко ли мне удалось уйти от этого, ведь моя императрица теперь вдова? Эта мысль причинила настолько сильную боль, что Райнхард совсем неосознанно крикнул: «Кирхайс! Где ты?»

Что-то произошло – раздался некий рокочущий грохот, полутьма за клубилась каким-то густым туманом, твердь под ногами сильно задрожала. В нескольких шагах вдруг вспыхнул слепящий свет, и через некоторое время стало возможным различить на его фоне неясные ещё очертания какой-то фигуры. Она неторопливо отделилась от невыносимо яркого потока и приблизилась. Райнхард инстинктивно поднёс ладонь к глазам, чтоб лучше видеть – пожалуй, здесь это было бессмысленно, и сделал шаг вперёд, ещё ничего толком не рассмотрев.

– Спасибо за Ройенталья, Райнхард, – раздался столь знакомый бархатный голос, что молодой император ощутил, что задыхается от перенапряжения. – С ним было сложнее всего.

Сейчас Зигфид Кирхайс был ростом выше даже Биттенфельда, да ещё и в мундире белого цвета – такого при жизни не носил никто. Кроме того, этот странный серый плащ... да это же не плащ вовсе, а огромные мощные крылья! Райнхард застыл в немом восторге и только протянул руку к другу.

– Нет, Райнхард, тебе ещё рано со мной, – покачал головой тот, тепло улыбаясь. – Я заберу Ройенталя – он достаточно уже настрадался, и Лютца – он давно воюет здесь, хватит. А у тебя ещё много дел, мой император.

– Как это? – совсем растерялся Райнхард. – Что это значит? Я отправлюсь в преисподнюю теперь, стало быть?

– Ты всегда был требователен к себе, даже слишком, – вздохнул Кирхайс и снова улыбнулся. – Я сильно обидел тебя со своими упрёками, помнишь? Это было очень невежливо с моей стороны – обрушить на тебя Вестерленд и даже не поинтересоваться, чего тебе это стоило. Прости меня за это и не терзайся – не ты виноват в моей смерти, на то были совсем другие причины.

– Какие? – только и смог выдохнуть Райнхард. – Это же произошло из-за...

– Нет, – вежливо оборвал его Кирхайс. – Кроме того, останься я с вами, ничего бы не получилось вовсе, поверь. А так в память обо мне вы все сплотились и сохранили корону – и никто не справился бы с ней лучше тебя. Да и Аннерозе нужен другой человек, что бы она там себе не воображала в своих мечтах. Так что тебе ещё предстоит выдать её замуж и вырастить не только Александра Зигфида фон Лоэнграмма, – он задорно подмигнул другу, и Райнхард с удивлением увидел, что вместо пылкого юноши, каким он навсегда запомнил Кирхайса, перед ним солидный и суровый мужчина, намного серьёзней его самого теперешнего.

– За кого выдать? Как это возможно? – пробормотал Райнхард совершенно безотчётно. – Я же умер...

– Ещё нет, да ты и не болен даже, просто загнал себя до изнеможения, – терпеливо пояснял Кирхайс. – Сейчас ты ещё лежишь на постели и даже без пятен – время течёт по-разному в разных ситуациях. К тебе летят гости с далёкой планеты – они пятьсот лет с неё почти ни разу никуда не выбирались, но, узнав о том, что все ждут твоей смерти, стартовали несколько недель назад. Они тебе расскажут много интересного и важного, сам поймёшь всё. Наша брань – не только против плоти и крови, так что эпоха войн в космосе хоть и закончена, но это ещё не означает эры всеобщего благоденствия. Рай смертным построить не дано, но не допустить воцарения ада – главная задача. Так что увидимся попозже, Райнхард, тебе пора, а я должен забрать Ройенталя и Лютца. Кроме того, тебе ещё принимать присягу у Юлиана Минца, мальчик скоро превратится в мужа – просто напomini ему о нашей с ним встрече на Изерлоне и можешь рассказать об этом разговоре. Он поймёт.

Райнхард с сомнением покачал головой.

– Этот наследник Яна слишком предан его учению.

Кирхайс снова лучезарно улыбнулся, вежливо подавая руки подошедшим к нему Ройенталю и Лютцу.

– Яну ещё при жизни от него доставалось. Да и невесту Юлиана не стоит недооценивать – она сосватает ещё собственную свекровь за Мюллера, вот увидишь. Шейнкопфу повезло с дочкой – не каждая может отомлить такого папашу, но эта просто ураган. До встречи, Райнхард, – и троица начала быстро таять в потоке света.

– Подожди, – крикнул Райнхард, превозмогая какое-то странное головокружение и беспомощно протянув руку, которую уронил от изумления. – За кого я должен выдать Аннерозе?

– За Оберштайна, – услышал он и почувствовал, что стремительно падает куда-то.

1. Похмелье от смерти

Тесно, темно, больно. Вздохнуть, вздохнуть, срочно! Ах, что за душная тюрьма, ну где же это я, надо хоть что-то предпринять, чтоб уяснить происходящее. Шум, как будто лавина где-то вдалеке... Удар, где-то внутри, ещё, ещё, вроде вполне терпимо, уже даже не мешает, вздохнуть! Получилось. Так, ещё, ещё... Ага, вот в чём дело, это ж моя густая кровь еле течёт по жилам, я в себе и лёжа, как Кирхайс и говорил. Ух, как опять тяжело – голова будто свинцовая, ноги затекли неимоверно, даже пошевелить не получается. И темень ещё перед глазами – такой мрак, пожалуй, способен всерьёз напугать. Надеюсь, мне не придётся всю жизнь валяться беспомощным инвалидом, иначе какой смысл был возвращать меня сюда. Что там говорил Кирхайс, я не болен даже? Хорошо бы, но как же в такое поверить, после стольких месяцев лихорадки и её последствий. Хоть бы кто помог, право, я боюсь не справиться. Свет, свет, я его не вижу... Эй, кто там сказал странную фразу про свет, как тебя звали когда-то, Солнце Правды, да? Помоги, умоляю, я не могу ничего сам, особенно сейчас. Да ещё и больно... Всё тело звенит от боли. Позволь мне делать то, что я должен. Хотя бы это. Иначе кто же сделает это за меня? Помоги мне, я знаю, что ты есть, хоть и не знаю, где ты. Помоги, мне слишком больно, я этого уже не вынесу!

– Хильда! – ну и хриплю же я, и это мой голос? кошмар... – Хильда, любимая, где ты?

Да, я сдал... полностью. Чтоб когда раньше, да вот так, ещё и вслух... Впрочем, это же правда, чего её стесняться? Разве я не могу позволить себе сказать, что люблю? Ну и дурак же я, право, в таком случае...

– Хильда! Где ты, любимая? – так, правая рука поднимается, это уже что-то... попробуем иначе.

Ох, это было слишком резким движением, экий болевой шок оно вызвало... Райнхард беспомощно рухнул с локтя снова на спину. Хотелось заплакать от бессилия, кажется, даже слёзы услужливо навернулись...

– ХИЛЬДА! – кажется, в этот крик вся боль и вложилась полностью, силы подло оставили, впрочем, к этому было не привыкать. Райнхард остался лежать, тяжело дыша и ужасаясь давящему отчаянию – он не мог ничего

сделать с собой, но это одиночество в полной темноте было невозможно переносить. Если бы хоть что-то происходило, к нему вернулось бы прежнее мужество. Сколько прошло времени? Где он и что произошло – ведь раньше ему стоило только пожелать увидеть любимую, как это случалось само собой. Неужели с женой несчастье – он ведь не знает, как долго его не было...

– Хильда, я тебя люблю, вернись ко мне! – я готов прокричать это на весь космос, пусть, зачем я завоёвывал Вселенную, если со мной нет той, кого я всегда хотел чувствовать рядом? – Хильда, где ты?

Ему показалось, что он слышал какой-то стук или хлопок, но он умолк, утомлённый криком. Однако руку поднять и протянуть куда-то перед собой он мог. Его уже не смущало, что он выглядит беспомощно, тупо шаря ладонью в воздухе. Рука наткнулась на знакомую руку, которую он столько раз с благоговением сжимал...

– Райнхард, ты... – наконец услышал он голос, которого ждал всем своим существом и боялся не услышать больше. – Ты здесь, Райнхард! – он почувствовал прикосновение к волосам, запах её тела, а потом на щеку упала холодная капля.

– Да, Хильда, да, любимая, – говорить получалось с трудом, и он почти шептал, – я вернулся к тебе. Как ты?

Она не ответила, но он почувствовал, как она дрожит. Он хотел обнять её, и рванулся к ней совершенно инстинктивно – это не получилось, но левая рука смогла подняться и обхватить её за плечи.

– Не плачь, я сильно перепугал тебя, знаю. Обними меня, мне холодно одному. Только не бойся больше – нас ничего плохого не ждёт, поверь мне.

М-да, я идиот – желать, чтоб женщина не заплакала после всего этого... Она ж не железная, это понятно. Ну да ничего, не будет же она плакать вечно, а мне намного лучше, я даже могу утешать её, жаль, что так и не вижу ничего... Что, что она там несёт? Этого ещё не хватало...

– Хильда, умоляю, ну хоть не сейчас, не надо меня титуловать величеством. Я всего лишь мужчина, который тебя любит, и мне сейчас ничего не хочется знать, кроме того, что ты со мной. Мне плохо без тебя. Вспомни – стоит тебе уйти, и я начинаю погибать, это ведь всегда с нами было. Мне везде без тебя плохо, – добавил он уже с сильной горечью и крепко сжал объятия. – Я всё помню, сколько тепла я видел от тебя, когда замерзал – я же тогда только вернулся из... а потом на той утраченной крепости, и после, столько раз... Ну не корону же ты во мне видишь только, верно? – так, только бы тут не заплакать самому, это будет как-то неловко...

– Райнхард, ты жив!

– Да, благодаря тебе. Если бы ты не пришла сейчас, я бы снова умер. Останься со мной сейчас, пусть все подождут, я слишком долго тратился на Вселенную, – он наконец нащупал её губы своими и наградил её долгим нежным поцелуем. – Я плохой муж, и это нужно исправить как можно скорее.

– Но как? – она успокоилась, и к ней начала возвращаться её вечная рассудительность. – Ты ведь правда...

– Да, это так. Кое-что произошло, я обязательно расскажу. Пока просто побудь со мной – я ещё слишком плох и не могу без тебя дышать. А ты так нежно произносишь моё имя – жаль, что я не слышал этого раньше...

Сердце стучало немилосердно громко, да ещё и голова начала снова беспокоить – Райнхард почувствовал, что резко слабеет и падает на подушку, но разжимать руки он не хотел никоим образом, боясь провалиться в чёрное небытие, где нет ничего, кроме боли. Он попытался шевельнуть ногой – как ни странно, это получилось и он оставил колено согнутым, чтоб не лежать совсем пластом.

– Райнхард, я на всё готова, только...

– Нет, просто скажи, что любишь. Эти наши условности, сколько они украли у нас времени – я боялся ухаживать за тобой все эти годы. А после той ночи, когда ты ушла молча утром – тогда было хуже всего, разве ты не заметила? Я чуть с ума не сошёл от этого холода без тебя! – странно, до чего легко меня прорвало, ведь раньше я бы ни за что... м-да, стоило ради такого умереть, пожалуй...

– Райнхард, я очень испугалась после Урваши, очень, может быть, это как-то... Но я поняла, что люблю!

– Если бы ты... сказала это раньше, возможно, я бы не стал... ладно, не важно. Просто поцелуй меня, Хильда, и не плачь больше.

– Райнхард, ты целуешься так, будто хочешь сделать ещё одного сына!

Он услышал, как смеётся. Ему было просто хорошо, пока она оставалась рядом.

– Хорошая мысль, я над этим подумую. Но может ведь быть и дочка, верно? А так – хороший комплимент для выходца с того света, согласен, – всё же, как хорошо быть просто мужчиной, забыв про всё остальное...

Где-то поблизости что-то упало с заметным грохотом. Ага, с досадой и озорством одновременно подумал Райнхард, конечно, всегда есть желающие мешать любым моим желаниям. Даже просто выжить.

– Не шевелись, – шепнул он жене. – Я не хочу сейчас ничем заниматься. Ты ведь устала, надо полагать, тебе тоже надо отдохнуть.

Он всё же услышал тихий шёпот: «Император жив???»», но не узнал голос. Он лишь решил проверить, на что способно отдохнувшее тело – и на этот раз оно не обмануло ожиданий: от резкого рывка Хильда оказалась рядом с ним на постели, упав на спину. Молодой император приподнялся, отжавшись на одной руке, и, повернув голову на звук, громко и безапелляционно проговорил:

– Извольте меня не беспокоить по любым вопросам, будьте так добры. Имеет император право на отдых в этой Галактике хотя бы после смерти, а? Прочь до новых указаний! – и неторопливо рухнул снова, чтобы крепко обнять жену. – Хильда, ты тоже никуда не спешишь пока, хорошо?

Они оба не знали, сколь хорошо действуют друг на друга – и крепко заснули, обнявшись, на несколько часов. У них не было сил даже подумать о том, что творилось вокруг – хотя их никто не беспокоил, беспокойство вокруг достигло невиданных размеров. И кроме того, был ещё один значительный повод для беспокойства – когда в одну из комнат снова помчались врачи, и с ними собака. На боку ожившего Оберштайна была обнаружена странная повязка, напоминавшая оторванную полу белого плаща. Хотя в целом состояние пациента было тяжёлым, сомнений в том, что он выживет, уже не было. Было лишь неясно, откуда взялась повязка – ведь по всем данным, в эту комнату никто так и не входил.

Райнхард проснулся как будто самопроизвольно, но он очень хорошо понимал, что это не так и что-то не только уже происходит, но требует его личного вмешательства. Он безотчётно открыл глаза, потом, сообразив, что взгляд невидящих глаз легко напугает человека, неторопливо прикрыл их. Хильда так и спала рядом – он слышал её ровное дыхание у себя на левом плече. Он осторожно чуть отодвинулся и, подняв правую руку на локте, сделал приглашающий жест пальцами у своего виска. Послышался тихий шорох – кто-то приближался...

– Слушаю, Ваше Величество! – а, это Эмиль, что ж, я рад его осчастливить, этот будет мне рад любому...

– Шшш, Эмиль, очень тихо – мне нужно одеться, – шёпотом попросил император. – Если вдруг не найдёшь одного плаща – не пугайся, просто скажи мне об этом. И ещё позови сюда Миттельмайера, но одного и как можно тише, ладно? – он постарался улыбнуться как можно беспечнее, пусть пока считают блажью нежелание открывать глаза.

– Слушаюсь! – прошептал мальчик и кинулся исполнять.

Райнхард тем временем крепко задумался, потихоньку потягивая одну группу мышц за другой. Вроде бы подозрений в беспомощности тела не появлялось. Почему это случилось с ним? Началось-то вполне безобидно, и когда? Мальчишеское желание завоевать Вселенную само довольно скоро уступило пониманию того, что империя – вовсе не игрушка, просто избавиться от республики под боком было жестом упорядочения, но хотелось сделать всё красиво. Так, вот тут я и споткнулся – когда вместо честной драки меня опрокинули хитреньким приёмом, подставив под прицел, и кабы на выручку не пришли вызванные Хильдой друзья... Именно накануне этого грустного кошмара я первый раз и рухнул с температурой, помнится. Да, с республикой красиво нельзя – она это мне очень быстро доказала, и не раз. А некрасиво было противно, честно скажем... Дальше – пока занимался этой проблемой, болел, однако приступы учащались, стоило приблизиться вплотную. С другой стороны, остальным было гораздо хуже – Фаренхайт вот погиб, потом ещё двое, кабы не погибли все, оттого я и лез всё сделать сам, но... Ещё я снёс истукана на Хайнессене – безотчётно, но из-за этого сам там дважды

чуть было не сгорел и потерял Ройенталя – а ну как он погиб вместо меня, а? Не сжёг ли я себя вовсе не войной, а тем, что занимался слишком опасным делом, не отдавая себе в этом отчёта? Объявить болезнь неизвестной – чего уж проще, но я и сам уникам, скажем честно. Если мне нравится воевать – это ещё не означает, что я помешан только на войне. Я не могу быть один – когда погиб Кирхайс, я был рад, что кто-то всё время есть рядом. Но разве это ненормально? «Нехорошо быть человеку одному» – разве не Бог сказал это когда-то? Захоти я всерьёз умереть – уж нашёл бы в себе силы остаться один, это у меня получалось. Райнхард вспомнил, как одиноко сидел на ступенях залы в погибшей крепости, где произошло непоправимое, как жаловался погибшему другу, что во Вселенной холодно, как никогда. Потом, когда пришла пора всё же выйти – никого из адмиралов и офицеров не было, куда они все делись, он не подумал, потому что перед ним очутилась Хильда с чашкой горячего кофе... Он тогда понял, что принадлежит уже ей, но приходилось делать вид, будто это не так. Доделал, что умер. Ах, ведь всего лишь хотелось поскорее покончить с этим всем... Ага, вот в чём дело – я же простыл от этого холода, вот что. Холод – он тоже обжигает, как и огонь. Боже, помоги мне. Если не я, то кто? Ещё столько не сделано, и я... боюсь этой черноты, очень.

Явился Эмиль. Действительно, исчез тот плащ, который Райнхард надевал последний раз – ага, это уже говорящий факт, улыбнулся молодой император своим мыслям. Но необходимо всё проверить, и немедленно. Совершенно автоматически облачившись, Райнхард вдруг ощутил, что упорно не желает надевать плащ и застёгивать горловину – даже предпочёл бы, пожалуй, вовсе без верха мундира, но пока не решился на это. Решил оставить так, тем более, что явился Миттельмайер – этот сиял так, что ощутимо было, несмотря на слепоту. Райнхард бесцеремонно взялся за руку друга, встал и шёпотом попросил отвести себя в комнату к Оберштайну.

– Только без свидетелей пока, очень прошу, – прибавил он уже на пороге. – Я слишком слаб ещё.

Он ещё услышал знакомый щелчок пальцами – и подумал, что у Эмиля если и могло получиться незаметно позвать Миттельмайера, то остальной штаб уж точно помчался подглядывать и подслушивать, ведь на кого-то же он успел прикрикнуть перед сном. Что поделать, все вояки хоть и знают, что такое дисциплина, но в душе как были мальчишками, так и остались – можно себе представить, что сделала с ними новость, что император жив. Хоть обошлось без шорохов – но движение воздуха скрыть не удалось, и именно его Райнхард и ощутил на лице. Он неторопливо склонил голову, лучезарно улыбнувшись, будто ничего не заметил, и помолчал, выжидая. Затем тихо сказал:

– Идём, и побыстрее. Я встретился с Ройенталем, Лютцем и Кирхайсом – поэтому я пока не позвал остальных. Кроме того, есть ещё одно обстоятельство, – прибавил он с грустным вздохом и смолк.

– Честно говоря, – ответил Миттельмайер, видимо, также улыбнувшись только что произошедшему, – быстрее можно только на моих руках, Ваше Величество.

– Согласен, – спокойно пожал плечами Райнхард. – Действуйте.

Эх, а ведь довольно много раз мои подчинённые были правы, а я был упрямым дурачком-романтиком, думал молодой император, пока Миттельмайер мчался по коридорам, без особого усилия держа сюзерена на руках. «Подумают» – тоже мне категория, стоящая внимания как будто. Людям вроде Бьюкока да Шёнкопфа полностью плевать, кто он на деле и как себя чувствует – как впрочем, было плевать и тем, кто говорил при кайзере гадости про его сестру ему в лицо и за его спиной. Им нечего доказывать и бесполезно. Большинству совершенно неинтересно, что и как он делает – он для них не живой человек, а только некто, на ком нынче корона. А вот тем, кто закрывал его собой от вражеских выстрелов – плевать уже, кто что подумает, это истина. Скольких он растерял из-за собственных красивых жестов? Пора бы уже и понять было, что собственная жизнь не вся принадлежит ему, и чем дальше – тем больше.

И опаздывать он уже не имеет права. Что важнее – жизнь вассала или что подумают о способе, которым император до него добрался? Точнее, ритуал для человека или человек для ритуала, а? Если второе – то превратимся в Гольденбаумов, да и всё...

Встав на ноги, Райнхард покачнулся от слабости и ухватился за плечо Миттельмайера совершенно спонтанно.

– Ничего, вроде пока порядок, – громко сказал он ему, но не убрал свою руку. – Что у нас тут, а? – спросил он в пространство с нужной долей высокомерия.

Он смутно чувствовал, что в помещении есть кто-то ещё – но невозможность видеть угнетала почти до отчаяния. И ужасно не хотелось, чтоб это поняли остальные – так что не ощути Райнхард в следующий момент мощную эмоциональную волну от раненого, который его увидел и услышал, дело было бы чревато страшным нервным срывом. А так молодой император вежливо улыбнулся, чуть склонив голову, чтоб не бросалось в глаза то, что его веки полуприкрыты, и обернулся на источник волны. Удачно.

– Ваше Величество? – услышал он негромкий знакомый голос и сделал пару шагов в его направлении. – Вы?

– Кажется, Вы удивлены, Оберштайн? – церемонным тоном, но с заметными тёплыми нотками произнёс Райнхард. – Я рад, что у меня это наконец получилось – удивить Вас. И рад, что Вы тоже здесь уже, как и я.

– Не очень-то разумно после такого приключения делать столь резкие движения, – проворчал Оберштайн своим обычным менторским тоном, который сразу разозлил Миттельмайера – Райнхард почувствовал, что плечо его адмирала едва заметно дрогнуло, однако вполне успокоил императора – если советник ворчит, значит, дела не очень-то и плохи. – Ваша жизнь поважнее моей, Ваше Величество, неужели это...

– Не более разумно, чем кидаться в могилу следом за мной, – с усмешкой оборвал его сюзерен. – Разве я давал Вам на это санкцию, Оберштайн? Мне вполне понравилась идея выманить негодяев на меня, но Вам-то кто позволил расставаться с жизнью при этом? Нехорошо, у меня ведь сын. Так что извольте выздороветь, уж будьте так добры, иначе я рехнусь совсем от этих постоянных потерь, – с горечью прибавил император.

– Будет сделано, – слабеющим голосом ответил раненый. – Я всё помню, мой Император, только и Вы берегите себя, а то... – он смолк, не договорив, и Райнхард услышал тихий шум – видимо, кто-то метнулся к телу.

Райнхард широко открыл глаза и старательно придал себе грозное выражение.

– Вылечить, – сурово скомандовал он, и вздохнул будто от сильного гнева, впрочем, подобные эмоции ему не нужно было сильно уж разыскивать в себе. – Иначе сам достану на том свете собственными руками, не так-то оно сложно, как может показаться сперва! Что там, я спросил уже раз?!

– Жуткая кровопотеря, – отозвался кто-то деловитым тоном, – пара клинических смертей, но сейчас резко идёт в гору, хотя непонятно отчего. Его уже раз сочли покойником – но когда зашли за телом, он был вполне себе жив и забинтован странной повязкой. Никто не знает, откуда она появилась, но прогноз вполне оптимистичный, Ваше Величество. Сейчас он просто отключился, разволновавшись от Вашего прихода.

– Ладно, – спокойно отозвался Райнхард, – действуйте. Пойдём, Миттельмайер, – он снова склонил голову, полуприкрыв веки, и сделал шаг, так и держась рукой за плечо друга. – Отведи меня к себе, мне тяжело.

– Ваше Величество, а что с этой повязкой делать, может, полицейским отдать, чтоб разобрались? – спросил уже другой голос.

– Не стоит, – устало ответил Райнхард, старательно шагая прочь, – это я его замотал обрывком от своего плаща. Первое, что мне под руку попало – торопился просто.

Тишина, воцарившаяся после этих слов, была достаточно красноречива, но продлилась разве что пару секунд – людей вообще сложно чем-то удивить, если они не хотят удивляться сами. А уж если они в состоянии учуять правду – какой бы невероятной она не казалась при этом – то и воспринимают её совершенно спокойно. Возмущаться начинают разве что те, кто подсознательно ненавидит истину или настолько привык ко лжи, что выбешивается на всё, что ложью не является. Да и вопрос «как?» обычно задают те, кто не особо привык уважать себя и остальных. Вежливых людей он часто даже не особо интересует. Все просто занялись тем, чем должны были в данный момент заниматься. Даже Миттельмайер также промолчал. Поэтому, почувствовав, что они идут уже одни, Райнхард тихо сказал ему:

– А сам плащ я отдал Ройенталю – ему там сильно несладко пришлось. Правда, я уже разобрался с этим.

– Понял, – спокойно ответил адмирал.

– Подробнее расскажу после, – в тон ему произнёс молодой император. – Сейчас нужно дойти на своих ногах, а ещё я умираю с голоду – так что шансы на выздоровление есть и у меня. Скажем, это не везение, а обязанность, но думаю, и так вполне сойдёт.

– Вы будто не рады вернуться, Ваше Величество? – тепло сказал Миттельмайер, и Райнхард остановился.

– Ты... улыбаешься, да? – спросил он упавшим голосом. – Я правильно понял? Тогда не пугайся, пожалуйста.

– Что? – почти прошептал в ответ потрясённый адмирал, и по его тону было件нятно, что он догадался.

Райнхард сокрушённо покачал головой и посмотрел перед собой невидящими глазами. Однако он очень хорошо знал своего друга, и ему казалось, что он видит его – память старательно подсказывала ему образ. Несмотря на гнетущую ужасную черноту вокруг...

– Да, – едва слышно проговорил он, – ничего, даже пятен света не вижу. Надеюсь всё же, что это может пройти как-нибудь после, оттого и не хочу, чтоб узнали. Кажется, я отравился на республиканской территории – сразу, как мы вошли в эту часть космоса, только я рухнул с лихорадкой, а Ройенталь свихнулся – он-то был самый крепкий из нас физически, чем я никогда не мог похвастать. Терять зрение я начал накануне стычки с Минцем, а упал уже позже.

– Эта республиканская территория и впрямь ядовита, я тоже замечал это, – с ненавистью прорычал Миттельмайер. – Но тогда нечего позволять себе лишние нагрузки, Ваше Величество, тут Оберштайн прав. Желаете к себе? Сейчас прибудем, – жёстко, но спокойно добавил он, и Райнхард почувствовал, что его без всякого разрешения снова подняли и понесли.

«Я желаю к Хильде», – подумал он про себя, а вслух сказал только:

– Спасибо.

2. Хроника тайного совета

Хильда молча бросилась мужу на шею, едва тот вошёл в покои, где умирал, крепко держась за предплечье Миттельмайера. Райнхард нежно обнял её и осторожно взялся гладить по плечам – он отлично чувствовал, как она дрожит. «Любимая, всё хорошо», – он смог сказать ей это так тихо, что кроме неё никто не услышал.

– Надеюсь, нас не будут сегодня беспокоить чем попало? – с добродушной весёлостью проговорил молодой император. – Хотя моя императрица со мной, а Оберштайн валяется раненым, привычка, что что-то не так, меня так и не отпускает, – он внимательно прислушался, дабы уловить если уж не шумы, свидетельствующие о присутствии других людей, то хотя бы эмоциональные волны от них, но почти сразу продолжил. – В любом случае нужно отправить Эмиля за горячим чаем и горой бутербродов – я вечно огорчал его тем, что не ел их. И пока

дел на сегодня хватит – даже если весь Хайнессен взбунтуется, я не стану сам этим сегодня заниматься.

– Пока эти республиканцы здесь – не взбунтуется, – философски заметил Миттельмайер, не убирая, впрочем, своей руки. – Мюллер занят передачей Изерлона, а некий Поплан поступил на службу к Валену, как я узнал нынче, такое вот весёлое событие, – он сардонически усмехнулся. – Как только те, кто симпатизировал этому куратору республиканской молодёжи, об этом узнают – пример будет очень заразителен.

– Да я знаю про это уже, – фыркнул Райнхард и расхохотался. – На самом деле причина в сестре кого-то из офицеров Валена – а вовсе не в моём влиянии. Я вообще испорчусь на некоторое время под предлогом болезни и раскапризничаюсь – и у Кисслинга будут все причины ругать меня. Уложите меня в кресло – ненавижу валяться на постели – и повечеряем вместе, это всё, на что я сегодня способен. Но это очень важно, – добавил он уже очень тихо, вздохнув. – Остальные подождут.

Ему вполне удалось порадовать друзей своим волчьим аппетитом – эти улыбки он странным образом чувствовал, как и душевное тепло, бурным потоком исходящее от них. Вечный холод, в существовании которого вокруг себя он не отдавал себе отчёта раньше, постоянно кутаясь в плащ, похоже, отступил навсегда – вот кабы ещё и мрак перестал застилать ему глаза – тогда было бы совсем хорошо. Но, кажется, чёрствую кожуру, о которой он знал ещё в бытность себя адмиралом, с него не то сожгли, не то сорвали – и жалеть об этом не приходилось. Он боялся любить, боясь причинить этим несчастье тем, кого любил – и чего этим добился, причинив им это горе своей смертью? Интересно, кто же отмаливал его, пока он шлялся на том свете в ужасе от случившегося – он как-нибудь и это узнает, без сомнения. Но пока он был счастлив уже оттого, что радуется своим возвращением всех – то-то Эмиль то и дело выбегает прочь, под разными предложениями, но даже слепому понятно, что там происходит: глазают в щелку двери, дабы убедиться, что Император живёхонек. Пусть, их можно понять – он видел эти лица, уходя, и смотреть на это было выше его сил.

Вот, Миттельмайер хоть и знает о проблеме со зрением, но воодушевлён и полон сил, а не скорби с болью пополам – так похож на себя, когда прислал сообщение со своего подбитого флагмана, помнится... Эмиль напоминает сноп солнечного света в летний день – а не беззащитного замёрзшего щенка, брошенного на произвол судьбы в безлюдном месте. Слышно даже Кисслинга за дверями, этакая залитая солнцем скала, увитая сочной зеленью цветущих трав, а вовсе не человек, потерявший всё самое ценное в жизни. А уж Хильда... тут что-то и вовсе сложное и прекрасное – с ней что-то случилось совсем недавно, Райнхард не помнит её такой, даже когда она сообщила, что станет его женой. И, похоже, дело вовсе не в сыне – но она никогда не была такой взрослой... Она почти не говорит – но хоть и смотрит, сознавая только, что я здесь, но совсем иначе, не так, как раньше. В сущности, ничего особенного – сказал вслух, что всегда думал и чувствовал, но, видимо, для неё это значит что-то особое... не жалко, впрочем. Сейчас я настолько отвязан, что могу кому угодно в лицо крикнуть, что люблю свою жену, и если она это чувствует, то тем лучше.

Райнхард рассказал о том, что случилось после того, как сообщили, что он умер. Тихо, лаконично и неэмоционально, утаив только имя того, за кого следовало выдать замуж сестру. Потом, заметив, что пауза от изумления слушателей может слишком затянуться и смутить их, вальяжно попросил себе уже горячего кофе – и отметил про себя появление некоторых мыслей, удививших его самого... Миттельмайер разнервничался столь сильно, что не смог усидеть на месте и вскочил, дабы помотыляться по помещению – Райнхард величественно кивнул в его сторону, разрешая, и крепче сжал ладонью пальцы Хильды – та ответила ему тем же.

– Всё же хорошие новости, – невозмутимо нарушила молчание императрица. – Однако вдова Яна воспротивится сильно, даже если и удастся приручить его наследника, что покуда

выглядит ещё невероятно. Впрочем, указание насчёт кронпринцессы также выглядит невероятно. Не представляю, что с этим делать даже.

– Со вдовой могут быть проблемы, хотя я не представляю покуда, важно ли это вообще, – в тон ей ответил супруг. – Что делать с Минцем, я, похоже, знаю, но мне понадобится для этого немало повозиться лично. А вот насчёт моей сестры всё проще – тут нужен взрослый мужчина, не отягощённый комплексами о её героической роли в появлении династии Лоэнграммов, – невесело усмехнулся молодой император. – При всей моей ненависти к умершему кайзеру, полагаю, он не был карикатурным тираном в личной жизни и скорее добился своего вежливостью, чем насилием. Я же только мешался со своими амбициями везде и всюду – в том числе и в этом деле. Что мешало ей прийти поддержать меня на коронации, кроме ощущения, что я до трона не дорос, как думаешь? И что вырвало её из затворничества, а? Наша свадьба – так что она совсем не прочь будет и сама надеть фату вскорости, лишь бы муж не оказался подкаблучником. А такого я найду.

Хильда заметно замялась – хотя, возможно, это никак и не отразилось на её лице, просто Райнхард, вынужденный настраиваться на эмоции собеседников, улавливал их сейчас лучше, чем будучи зрячим.

– Вдова Яна важна – это же знамя республики, так что пока она снова не выйдет замуж, авантюристы всех мастей продолжат использовать её в этом качестве, – спокойно пояснила она. – Двенадцать лет влюблённости в своего кумира не мелочь вовсе, так что в скорое замужество не верится покуда. На своей территории она так и будет купаться во флюидах славы мужа, которого приравнивали к основателю республики Хайнессену.

– А мы её вытащим с родной территории на свою тем же способом – свадьбой, – насмешливо проговорил Райнхард, попросив жестом ещё кофе. – Может, она ещё может ощущать себя нормальным человеком и женщиной – выносить этого зануду Яна столько времени, это ж какое здоровье надо было иметь. А проигнорировать женитьбу приёмного сына вряд ли получится. Надо будет распорядиться, чтоб ему и его даме устроили обширную экскурсионную программу по театрам, музеям да прочая, покуда я болен, да поднажали на тему эстетики – посмотрим, устоит ли их санкюлотство перед юношеской жадой впечатлений. Должно сработать – Минц любопытен, как обычный ребёнок, иначе бы не полетел с Валеном на Один. Вот и поглядим, в чьём сопровождении мы увидим эту героическую мадам – одной ей будет неуютно, и это легко исправить, а если появится не одна – будет понятно, кому она доверяет. Пусть думают, что меня всерьёз интересует тема конституционализма, – он расхохотался в точности так же весело и беззаботно, как после их знакомства, когда отправлялся воевать с мятежными аристократами. Императрица это заметила и задумалась про себя – уж не вернулось ли то настроение в новом качестве? Тогда борьба тоже продолжается, хоть с виду и совсем иначе... Или же Райнхард просто ощущает себя снова целым, узнав доподлинно, что его друг в порядке? Она не поняла всё же настоящего положения вещей – уходя на ту войну, ободрённый её уверенностью в его победе, Райнхард намеревался швырнуть эту победу к её ногам, а после начать красиво и чётко ухаживать, без всякой двусмысленности. Эти его планы были похоронены гибелью Кирхайса и предательством сестры, не позволившей ему даже поплакать на её плече о смерти друга. Хильда не знала также, о чём говорили брат с сестрой накануне их свадьбы, опьянённая ореолом мученического образа кронпринцессы.

Может, и к лучшему, что не знала – иначе бы поняла, отчего совершенно разочарованный в своих лучших чувствах Райнхард вылетел с этой встречи, как ошпаренный, и потащил её пить чай, вежливо болтая о том, что им-де нужно называть друг друга по имени – в этот раз ему удалось скрыть свои мысли и ощущения от любимой. Чего ему это стоило, не знал никто. Увидеть вместо обожаемой сестры некую карикатуру на образ «трёх К», способную только болтать исключительно женские глупости о тряпках и не желающую быть человеком – это было слишком сильно и неожиданно. Он уже успел забыть намёк в виде истории с маркизой-сопер-

ницей, когда задохнулся от жеманных слов о необходимости простить ту, что вовсе не нуждалась не только в прощении, но и в сочувствии, превратившись из кисейной капризницы в чудовище. Он был тогда слишком неопытен и горяч, чтоб понять, что кайзер, как всякий зрелый мужчина, склонен выбирать женщин одного типажа, с похожим характером... Райнхард долго не понимал и того, что устраивал сестру только в качестве ребёнка – а человека видеть в нём она упорно не хотела, как не хотела видеть и остальных людей такими, какие они есть, оттого и не поняла даже опасности, которой подвергалась сама при покушении. Всё ведь закончилось хорошо, а значит, это была просто игра, не более того. Как смела эта красивая игрушка – Кирхайс – вдруг взять и сломаться насовсем? И добрый дядя кайзер, с которым было так увлекательно играть и так круто смотреться в дорогих нарядах, тоже зачем-то однажды ушёл и не вернулся... Так Аннерозе играть не согласна – и она сбежала от реальности подальше, тем более, что там страшно и война настоящая, без абстракций. Эту неуютную реальность, с дискомфортом, потерями и смертями брат и олицетворял – вечно ему было больше всех надо, не мог будто заниматься чем-то вполне спокойным и никого не раздражать. Потом стало скучно, конечно, и свадьба брата оказалась кстати, чтобы развлечься. Да и двор у него оказался подорожее да посимпатичнее, зря она не подумала раньше, что так может быть. Поняв это всё, Райнхард дал себе слово не говорить ничего Хильде – просто потому, что не хотел, чтоб и она пережила это тяжёлое разочарование, а ещё было стыдно – получается, мерзавец Флегель был прав, язвительно посоветовав ему следить за сестрой. Что ж, совет всё же неплохой – сестра любит нянчиться с детишками? Отлично, Алек и Феликс ещё очень малы, а их родители то и дело заняты. Оберштайн поистине незаурядная голова, обидно, что у него нет наследников, да и манеры у него те же, что и у Гольденбаума, если захочет – Кирхайс дал очень ценную идею... Ведь за Оберштайна тогда Райнхард и ухватился – когда обе потери, друга и сестры, придавили его невыносимо, а Хильда хоть и была рядом, но совсем не так, как хотелось. Оберштайн, будучи сам вечным одиночкой, прекрасно понимал и его одиночество – и единственный знал, что они поссорились с Кирхайсом, а помирила их только смерть. И единственный, кто не осуждал и не упрекал Райнхарда за гибель друга – потому что знал, что эта ссора добром бы не кончилась так или иначе, и осуждал про себя именно Кирхайса, не способного понять, чего стоило будущему императору смириться с гибелью Вестерленда.

Оберштайн и Хильду приближать не советовал – из-за той ссоры с Кирхайсом, которого пришлось потерять прежде, чем он погиб. Дело Кюммеля как будто подтвердило его правоту – но на деле скорее пошатнуло. Вместо злобной досады Райнхард ощутил некую солидарность с Хильдой за столом придурковатого барона – вот как, её тоже бросают и подставляют под удар, и тоже человек, которого она считала родным и сильно любила. Ему хотелось безжалостно и жестоко избить этого больного именно за то, что он так поступил с ней, измарав её перед всеми мужчинами в причастности к покушению, – и он был несравненно рад возможности ударить того разок. Он даже не обиделся, когда увидел, что Хильда не отреклась от такого родственника – это как раз было в её пользу в его глазах, но ощутил сильный укол ревности: в жизни женщины, которую он хотел, был ещё кто-то... Зато это было сторицей вознаграждено совсем с другой стороны – приятно было справиться самому с проблемой как раз перед капитаном «Брунгильды» и Кисслингом, после того, когда они оба справедливо сочли его заносчивым мальчишкой, из глупого упрямства не желавшего покинуть флагман, оказавшийся на грани уничтожения при Вермилионе. Ах, эти необходимые условности, которым следовало постоянно придавать значение – он краем глаза следил за безутешными рыданиями Хильды над уже мёртвым бароном, и жалел, что не может сейчас просто подойти, обнять и успокоить её, ведь тогда и вовсе начнут сочинять про неё невесть что. И один понимал, как ей сейчас плохо – ещё и сознавать, что он, надо полагать, сердит на неё. Именно так и полагал Оберштайн – или делал вид успешно, что полагал – и Райнхард загрустил, увидев, что на этот раз его и вовсе некому понять. Хильда же повеление вернуться к работе приписала его «доб-

рому сердцу» – что за глупые штампы, в самом деле, и возможные слова при их встрече сначала завязли в горле, а потом и вовсе кто-то помешал своим появлением. Чёртовы условности, кабы он мог сам позвонить и попросить её вернуться, возможно, ей было бы намного проще с пониманием того, что он видит в ней не просто слугу и помощницу. А так – ничего не поняла даже тогда, когда он просил её остаться рядом в ранге начальника штаба, что за несчастье, в самом деле... Ему казалось, что он говорит верно и грамотно будущему тестю, почему просит руки его дочери – для него было вполне себе разумеющимся, что раз он обнял женщину, значит любит её, разве нужно об этом ещё и вслух говорить? Почему же вокруг нет ничего, кроме холода, непонимания и злобы с завистью, чему тут завидовать – холодной пустоте и жару лихорадки? Однако вряд ли Оберштайн прав, подавая пример тотального одиночества – из-за страха потерять не стоит отказываться от обладания. И то ладно, что Райнхард понял это вообще – значит, ещё не всё потеряно.

Его весёлый смех привёл в себя Миттельмайера – тот перестал слоняться туда-сюда и уселся рядом, успокоившись.

– Так те Ваши слова на деле не означали ничего серьёзного? – добродушно осведомился он. – А ведь Минц считал бы себя едва ли не победителем, услышав их.

Молодой император на мгновение хищно скривился, затем снова лучезарно разубался:

– Я не для него завоевывал Галактику, – невозмутимо проговорил он. – Слишком много развелось желающих выхватить её у меня – да только для них оно забава, а для людей – настоящее несчастье. Сколько раз я провоцировал всех, уверяя, что отдам власть всякому, кто сможет с ней управиться – и что, разве появился хоть кто-то, кто всерьёз радуется о моих подданных настолько, что готов этим заняться? Одни проходимцы вроде Ланга да Рубинского. А уж подпускать республиканца к этому делу – даже не смешно. Иначе мы никогда бы не победили при Амлицтере, замечу – оставленные нами территории просто вошли бы в состав проклятого Союза насовсем. Так что можешь считать те слова лихорадочным бредом или очередной моей провокацией, – с усмешкой закончил он, отдав Эмилию пустую кружку. – Мне надоело драться с этими санкюлотскими партизанами и терять моих людей ради их возможности погорлопанить. Попробуем чуть сменить тактику – нужно выдернуть Глюка с его проектами, оставленными ему ещё Сивельбергом и дать ему всё, что можно, чтоб он поскорее реализовал самое эффективное. А потом тихонько поощрим турфирмы, рискнувшие работать с аборигенами Хайнессена – пусть побольше живших на Новых Землях прокатятся в Империю и сравнят со своей разрухой. Организуем обучение их молодёжи у себя – и тогда автономия Хайнессена превратится в профанацию. Может, штаб и будет недоволен тем, что нет войны как таковой, но скучно не будет, полагаю.

– Да уж, скучно не будет, учитывая, как оно получалось до сих пор, – весело заметила Хильда. – Итак, похороним идею конституции полностью, на деле?

Райнхард слегка нахмурился.

– В начале двадцатого века от Рождества Христова в самой развитой державе Европы тогдашний добряк-самодержец принял конституцию, собрал парламент и даровал населению кучу прав и свобод. Через двенадцать лет не было уже ни державы, ни престола, ни народа, ни самодержца с семьёй, ни языка, ни культуры. А моя империя ещё крупнее, так что хватит и двух лет вместо двенадцати. Если это игнорируется республиканцами, значит, их цель – не красивые слова, которыми они прикрываются, а уничтожение людей физически и морально. Я не хочу, чтоб моя Галактика превратилась однажды в Вандею, и если я воин, то буду защищать её от любого врага, будь то хищный самозванец, правительство или ядовитые идеи. Помнишь, как мы поссорились, когда ты упрекнула меня, что Ян не хочет завоевать Вселенную? Да, он не хотел – потому что ему на неё просто плевать, на самом деле. Оттого им и вертели все, кто пожелает.

– Разве мы поссорились? – с заметным удивлением тихо сказала бывшая фройляйн Мариендорф. – Но ведь...

– Хорошо, что это было незаметно, – поспешно перебил он предупредительным тоном, – но мне стоило не то пары седых волос, не то нового приступа. Конечно, я рад, что не прикончил Яна собственноручно, хоть и хотел этого не раз. Но я полагал, что мог бы ещё пнуть его и спасти, и не только его. Но я не могу успеть всё и везде – меня просто не хватает.

– Очень хорошо, что этот хитрец не погиб в бою с нами, – сурово заметил Миттельмайер. – Пачкать руки Императора эта кровь недостойна. Он мог не идти на поводу у своих драчливых соратников, а обратиться за помощью к нам. Не хотел – что ж, получил, что заслужил. При всём моём уважении к его таланту воевать.

– Наличие таланта не есть заслуга человека, – задумчиво отозвался император. – А вот развить его и использовать как следует – уже обязанность. Я оттого не считаю Яна равным себе, что он отстаивал гиблое дело, как и Меркатц, к слову. Дикари-каннибалы тоже могут сказать в своё оправдание, что их так учили, но что скажут окружающие? Республика по сути от них ничем не отличается. Попробуем цивилизовать часть этих дикарей, слишком уж они опасны мёртвые поголовно – да я и не Рудольф, как известно, чтоб просто убить их всех, – он потянулся и скинул верх мундира. – Как же это всё оказалось муторно. Даже с аристократами-вырожденцами было проще – Фаренхайт говорил мне, что дело дошло до того, что меня собирались сделать зятем Гольденбаума, как ни смешно это звучит, – саркастически усмехнулся он и сделал несколько движений корпусом, так, что стало понятно, что начались небольшие проблемы с дыханием. – А эти горазды только убивать – когда нет чужих, занимаются уничтожением своих, вот и вся доблесть.

– Ваше Величество? – вежливо, но настойчиво прозвучал над ухом голос Миттельмайера, и Райнхард почувствовал, что ладонь его адмирала осторожно легла запястье правой руки. – Может, врача?

– Не желаю, – поспешно замотал головой Райнхард. – Разве что лёжа на спине, и всё – я просто слишком многое сказал вслух и хочу проверить, не начнётся ли из-за этого новое осложнение. Даже если меня и вырубят, – спокойно говорил он, не обращая внимания на резко возросший темп вдохов, – то ненадолго, зато всё пройдёт менее болезненно, чем обычно. Кирхайс же сказал, что мне ещё рано...

– Не будем рисковать, – озабоченно проговорил адмирал и осторожно, но быстро поднял его. – Но что Вы хотели сказать насчёт проверки, что это значит? – Райнхард почувствовал, что очутился в лежачем положении и с грустью расслабился – так хотелось подольше быть бодрым и оставаться таким хотя бы сидя в кресле...

– То и значит, что как только я намеревался предпринимать что-то серьёзное против республики, так меня сразу настигал жар и валила с ног лихорадка, – с горечью сообщил Райнхард, беспомощно протянув руку в пустоту, затем, сообразив, что этот жест выдаёт его, быстро положил её вдоль тела. – Я даже успешно врал Меклингеру некоторое время, что здоров. Посмотрим, сохранилась ли эта мерзкая закономерность сейчас. Если же я действительно буду вдруг слишком плох, то придётся эскулапов звать – а мне бы не хотелось снова пугать остальных, что они подумают, когда увидят врачей спешащими сюда? И без того ведь хватало нервотрёпки, верно? Подождём, – он осторожно вытянулся и вздохнул медленнее. – Хильда, возьми мою руку, пожалуйста.

Император не видел, как переглянулись, покачав головой почти одновременно, самые близкие ему люди.

Императрица не только поспешно выполнила указание, но, к его тайному счастью, тронула губами его лоб.

– Пока жара нет, – деловито сообщила она, вздохнув спокойнее. – Может, не начнётся ещё.

Райнхард победно улыбнулся.

– Это от того, что ты рядом, – с заметным трудом, но ласково проговорил он. – Что и требовалось доказать – один я ничего не могу. Я бы позвал на помощь Бога, да боюсь, мне негоже претендовать на эту милость, – дыхание нехорошо учащалось, и Райнхард инстинктивно протянул другую руку, боясь позвать Миттельмайера вслух, дабы не напугать остальных фактом своей слепоты. Адмирал догадался об этом и с показным спокойствием схватил ладонь сюзерена – тот поблагодарил его кивком, и произнёс нарочито невозмутимым тоном:

– Эмиль, распахни-ка окна, похоже, к ночи становится душно.

– Так ведь гроза движется, – в тон ему ответил мальчик, ретиво исполняя указание. – И очень сильная, похоже.

– Значит, звёзд не видно, а буря так и не кончилась, – едва слышно с жалящей грустью сказал император. – Увы.

3. Два императора

Он затих после слишком резкого вздоха и лежал с закрытыми глазами, крепко сжимая руки жены и друга. Тишина, повисшая на несколько минут, начала потихоньку угнетать тех, и они то и дело тревожно переглядывались. В комнате носились струи свежего ветерка, иногда заставляя колыхаться тяжёлые шторы, как и приближающиеся раскаты грома, становившиеся всё сильнее и быстрее. Казалось, вспышки молний, довольно мощные и резкие, полностью отражаются на побледневшем лице императора, несмотря на мягкое освещение внутри. Ощущение скрытой угрозы, близкой, но пока ничем не обнаружившей себя, становилось всё более навязчивым. Бесшумно отворилась дверь, и аккуратно вошёл Кисслинг – по его озабоченному лицу было видно, что ощущение неясной тревоги взволновало и его. Взглянув в его глаза, Миттельмайер понял мысли начальника охраны полностью – взбунтовавшаяся интуиция диктовала тому стремление прикрыть сюзерена собой от возможной напасти. Гнетущее ощущение беды передалось и Эмилю – тот ежился, пожимая плечами и поглядывая то на хмурое небо за окнами, то на недвижную фигуру императора, выглядевшего столь неестественно спокойным, что это только пугало всякого смотревшего на него человека.

Так прошло четверть часа, бесконечных и наэлектризованных сверх всякого предела. Хильда наконец осмелилась снова потрогать губами лоб мужа – и когда она поднялась, взгляд её был встревоженным. Райнхард не желал говорить, что почувствовал все признаки надвигающегося сердечного приступа, и только молча умолял Бога не мучать своих подданных чем-либо нехорошим. Но, ощутив это прикосновение, заговорил вполне спокойно:

– Что там с грозой, Кисслинг, неужто опасность имеется? – он не хотел, чтоб внимание друзей было сконцентрировано на его возможном жаре, но поздно догадался, что выдал своё новое ощущение людей этим поведением.

– Она очень странная, – несказанно обрадованный этим вопросом, поспешно взялся докладывать начальник охраны и подошёл ближе, почти к постели. – Возникла буквально из ниоткуда на совершенно чистом небе, хотя для формирования такого фронта нужны сутки, как не больше, да ещё и сухая, по всей видимости. Слишком сильные инфрашумы, такой интенсивности никогда не было зафиксировано на этой планете, и сопровождается нехорошим электромагнитным излучением низкой частоты – что и вовсе нонсенс, учитывая его сильную плотность. Результат – инстинктивно паникуют даже военные, не говоря уже о гражданских, которые начали прятаться в убежища, построенные от старой паранойи перед ядерной бомбёжкой.

– Я бы не стал эвакуироваться на основании только этих данных, но людей можно понять, – задумчиво произнёс, не шевелясь, император. – На Одине бывали грозы с такими характеристиками? Или эта перещеголяла их?

– Бывали, – хладнокровно ответил Кисслинг, – но эта слишком уж их перешеголяла, на порядок как минимум, если не два.

– А Вы лично опасаетесь нападения террористов под шумок? – вежливо спросил его Миттельмайер.

– Не исключаю такой возможности, – пожал плечами тот. – Но странное поведение стихии поневоле настораживает. Оно провоцирует у людей страх перед сверхъестественным.

Раздался оглушительный удар грома, такой, что можно было подумать, будто молния угодила едва ли не в крышу особняка – но гулкий грохот, переданный полом, свидетельствовал о том, что этого не произошло. Все поневоле замолчали – и услышали, как среди зловещего шипения и резкого запаха озона раздался негромкий, но радостный, едва ли не беззаботный смех Райнхарда. Он по-прежнему лежал не шевелясь и не открывая глаз, но смеялся вполне весело, как уже было раз за этот вечер.

– Интересно, проклят я или корона? – с бесшабашной юношеской рассудительностью негромко проговорил молодой император, будто разговаривая сам с собой. – Или оба? Собрался провести тихий вечер, ха-ха! Всё не слава Богу – а началось после Амлицтера, помнится, прямо с Липштадского заговора и началось... Корону же взял сам, как неприкаемый, да и свадьба не задалась. Не хватает ещё землетрясения – для полной потехи.

– Под Амлицтером Вы спасли страну, Ваше Величество! – заметно волнуясь, проговорил вдруг Эмиль. – Иначе бы её захватили и разгромили эти республиканские нахалы.

– Как ни цинично звучит, я так не ставил тогда вопрос вовсе, – совсем тихо сказал Райнхард и снова засмеялся.

Следующий удар грома был куда сильнее, и после продолжительной тряски резко погас свет. Кисслинг метнулся к рубильнику аварийки, но, как оказалось, без толку, потом вынырнул в коридор, уже с налобным фонарём – слышно было, как он переговаривается с подчинёнными. Райнхард дышал с трудом – сердце трепыхалось как-то вовсе неправильно, так что он скорее не возражал даже, что его слабость менее заметна в темноте. Появилось стойкое ощущение, что он в безопасности, пока держится за руки друзей, несмотря на дававшие себя знать блуждающие боли во всём теле – предвестники сильных ломок, которые изматывали его раньше. Но темнотой воспользовался не только он – Хильда на мгновение приникла к его шее, а потом он ощутил вкус её губ на своих.

– Кабы так да по дороге к Изерлону – хватило бы сил даже захватить его, – еле слышно, только для неё сказал муж.

Переговоры Кисслинга сменились его заунывными ругательствами – как оказалось, нестандартная гроза активно сопровождалась шаровыми молниями, как по заказу угодившими так, что аварийные генераторы электричества оказались выведены из строя ещё раньше, чем разнесло главный трансформатор, оставив без энергоснабжения весь район и город. Можно было воспользоваться резервными линиями, но силён был риск дожидаться удара блуждающих огненных шаров и по ним, пока гроза не закончилась, а она будто только начинала развиваться в полную силу.

– Придётся ждать, – невозмутимо сказал на это Миттельмайер, хотя про себя он полагал, что всё происходящее вовсе не буднично и неспроста. Молнии полыхали уже почти непрерывно, и он мог себе позволить внимательно следить за лицом императора – и видел, что оно то и дело искажается болью – Райнхард полагал, что темнота скроет это, и не следил за этим. Ломки становились сильнее – и тело императора сначала начало заметно содрогаться, а потом и дёргаться им в такт – и хотя движения были ещё несильными и Райнхард полагал, что их не видят, Миттельмайер позволил себе вмешаться. Осторожно достав из кармана брюк упаковку с сильным болеутоляющим, которое отчего-то Ева стала регулярно подкидывать мужу после инцидента с Биттенфельдом, которому досталось водой из графина, он вытащил из неё три капсулы:

– Просто раскусите, Ваше величество, – тихо шепнул он сюзерену и аккуратно и быстро затолкал их тому в рот.

Райнхард молча и послушно повиновался, не выказав никаких эмоций, и только вежливо кивнул в ответ. Возможно, он не видел смысла в разговорах среди уже почти постоянного грохота. Возможно, ему было уже так плохо, что и вовсе не было сил разговаривать – насколько же упрямо он старался притворяться здоровым, наверное, вычислив, что известия о его смерти ещё не составляли, а о болезни слишком не распространялись среди посторонних. Неудивительно, что сильная воля Императора вошла в конфликт с мирозданием так, что это вылилось аж в странное стихийное бедствие. Но жертвовать собой настолько... Миттельмайер понимал, что у него бы точно не хватило духа. Внезапно он увидел, что губы императора шевелятся, и позволил себе наклониться, чтоб расслышать.

– Господи, защити и сохрани моих людей, ибо сам я уже ничего не могу, а только на тебя уповать и остаётся, – свистящим шёпотом ронял слова Император, не признававший над собой ничьей власти, во всяком случае, именно так о нём и думала вся Галактика. – Ради них прошу, не для себя, дай мне силы им помочь и после суди как сочтёшь нужным.

Дальше было не слышно – не то из-за раскатов грома, не то слова стали беззвучными. Сильный порыв ветра пронёсся по помещению, и Эмиль отправился закрывать окна. Кислинг притащил из коридора три ручных фонаря и каждому прикрепил к предплечью браслет. Трое его подчинённых уже затаскивали ящик, наполненный светящимися пластинками. В этот момент раздался очень мощный удар грома, поневоле заставивший всех застыть на месте, и Эмиль, уже намеревавшийся плотно прикрыть раму, с воплем ужаса непроизвольно отскочил от окна. В помещение плавно вплыл оранжевый, усеянный багровыми искрами, шар размером гораздо больше головы человека. Но мальчик уже опомнился и, не глядя, схватил какую-то статуэтку и замахнулся на непрошеного гостя.

– Эмиль, не трогай ЭТО, оно опасно! – успела взвизгнуть Хильда, но было поздно – статуэтка хорошенько приложилась к краю шипящей молнии, и та полыхнула белым пламенем, не двигаясь в воздухе. Однако, против ожидания, взрыва не последовало, оружие мальчика не рассыпалось в пыль, да и сам он стоял, невредимый и суровый, и со злостью смотрел на сияющий шар, который не соизволил исчезнуть, впрочем, к постели тоже перестал двигаться.

– Что он делает? – поспешно и деловито поинтересовался Райнхард, оставаясь невозмутимым.

– Шарахнул настольным геральдическим львом по шаровой молнии, – тихо в тон ему пояснил Миттельмайер. – Она в окно влетела, крупная очень.

Райнхард с удивлением цокнул языком:

– Силён... От меня набрался таких повадок, что ли?

– А ну, сгинь, нечистая сила! – со свирепостью разъярённого зверёныша прорычал тем временем Эмиль и снова замахнулся с таким расчётом, чтоб выкинуть ударом огненный шар в окно. – Летает тут всякое без спроса!

Однако выполнить своё намерение он не успел – шар быстро и аккуратно отстранился в сторону почти на полметра, будто управляемый, и мгновенно увеличился в размерах, принимая форму человеческого силуэта. Это было слишком даже для Эмиля, и он застыл на месте, замороженный странной картиной. Силуэт тем временем, быстро меняя очертания, сильно потускнел, превращаясь в тёмное подобие статуи, и застыл, переливаясь множеством разноцветных искр, в форме высокого коренастого мужчины, чьи очертания показались странно знакомыми всем присутствующим.

– Полегче, мальчишка, – раздался шипящий свист, очень напоминающий низкий мужской голос, – размахался тут. Мне остаётся только позавидовать.

– А чего ты такой наглый? – мигом опомнился тот, гордо подбоченясь. – Кто будешь-то, быстро отвечай!

Гость явно замялся, не очень довольный таким бесцеремонным обращением. Тем временем Кисслинг побледнел так, что это стало заметно даже при неверном свете фонариков. Молнии отчего-то прекратили сверкать, но этого никто не заметил, а охранники, толпой вбежавшие внутрь на крик Хильды, тоже застыли на месте, разинув рты.

– Это же... – с ужасом прошептал Кисслинг. – Кайзер Рудольф Гольденбаум...

Фигура заметно посветлела, потихоньку превращаясь в неплохое голографическое изображение того, чьё имя было названо, только колыхаемое то и дело, будто от помех через этак девятьсот световых лет, и всё испрещрённое сеткой змеящихся тонких молний всех цветов радуги, но с преобладанием белесого оттенка спектра звёзд В5. Кайзер выглядел на свои 30 – не больше, и предстал в своём каноническом белом мундире, полностью потеряв сходство со статуями, которые так ненавидел юный Райнхард, оставшийся без сестры. Это был сильно уставший и чем-то раздосадованный человек – но единственный взгляд, которым он окинул всё помещение разом, сразу выдавал бывалого воина, уже оценившего обстановку полностью. Снова послышалось электрическое шипение, запах озона чуть усилился, и стало видно, что губы гостя зашевелились.

– Ну, здравствуй, император Райнхард, – густой и низкий голос раскатился от пола до потолка, – пришла пора наконец поговорить без намёков. Хорошая у тебя свита, честно говоря, сразу узнала. Да и сам ты ничего, надо сказать.

За время, пока это прозвучало, Эмиль успел от ужаса чуть присесть на согнувшихся ногах, но поспешно выпрямился, как ни в чём ни бывало, охранники кто принять боевую стойку, кто выхватить оружие, а Кисслинг – навести на гостя блок связи с включённой записью происходящего. Хильду затрясло мелкой дрожью, а Миттельмайер свободной рукой закрыл сюзерена полой плаща. Райнхард, странным образом увидев гостя в том же обличье, что и остальные, несмотря на окружавший его мрак, сделал движение, чтоб приподняться и сесть на постели – Хильда и Миттельмайер молча помогли ему это сделать, и он вежливым кивком поблагодарил их.

– И чего ради тогда явился сюда ты, дерзающий называться этим именем? – с церемонным высокомерием проговорил Райнхард, открыв невидящие глаза. – Я не звал тебя и видеть вроде не желал.

Призрак – или скорее плотный кусок различных полевых структур – с некоторым неудовольствием мотнул головой:

– Ну, сейчас тебе не до меня, конечно, а в юности ты костерил меня достаточно, colega, – не то по лицу, не то по его изображению обозначился довольно жёсткий оскал, видимо, имитирующий подобие сардонической улыбки. – Однако из всех, кто дерзал болтать по моему адресу конкретику, а не эмоции, только ты оказался способен сделать, что говорил.

Лицо Райнхарда сейчас походило на бледную маску надменности, но в невидящих глазах – Миттельмайер мог поклясться, что это так – запылал знакомый огонь не то мрачного торжества, не то просто сильной злости. Казалось, император был недоволен тем, что вынужден тратить время на то, что не стоило его внимания.

– Почём я знаю, что ты тот, за кого тебя приняли, а? Не всякий слуга тьмы может быть мне интересен.

Собеседник недовольно покачал головой и процедил вполне себе деловито:

– Быть собою – вообще искусство, главное – остаться людьми. Это вовсе не безрассудство, это правильно, чёрт возьми. Мы душой остаёмся прежними, уж такими, какие есть. Безмятежность – удел мятежников, риск – удел сохранивших честь. Или ты не согласен, император?

Райнхард жёстко осклабился – несколько не взволнованный при этом.

– И это весь трюк? Тогда с меня достаточно. Исчезни.

Призрак сделал двумя руками размашистый и резкий жест отчаяния, совсем по-человечески и в манере буйного основателя галактического рейха, если припомнить архивные записи...

– Проклятье, Райнхард, сегодня единственный шанс поговорить, я таскался пятьсот лет по своей империи, дожидаясь, пока ты наконец появишься, я восемнадцать лет носился следом за тобой, пытаюсь хоть что-то тебе подсказать, я воспользовался той неразберихой, что началась после твоего прощания с Кирхайсом – и всё только затем, чтоб ты отказался разговаривать? Проклятье, я не могу допустить, чтоб республика прикончила и тебя – отодвинь же свои амбиции и хотя бы выслушай! – всё выглядело так, будто собеседник и впрямь ощущает сильную горечь.

Молодой император внешне беззаботно пожал плечами – без плаща и мундира у него это выглядело тоже величественно.

– Ну и что такого важного я должен услышать? Даже будь ты тем, за кого себя выдаёшь – моё отношение к нему он знает, да только какая ему от того польза?

Призрак эмоциональным жестом хлопнул себя ладонью по лбу, будто человек, заметивший то, что раньше не видел.

– Ну да, я бы его месте вёл себя также, – прошипел он гораздо тише, так человек бормочет вполголоса себе под нос, – да ещё и не в одиночестве. Всё же приятно видеть преемника намного лучше себя, однако, – он сделал пару шагов ближе и продолжил столь серьёзно, что уже никто не сомневался в легитимности говорящего. – Райнхард, я действительно знаю, о чём говорю. Вспомни как вы с Кирхайсом убежали от чужой охраны и спрятались неподалёку от моей статуи. Ты тогда ещё выстрелил в небо, а потом позвал Кирхайса за собой, ты ж это помнишь, хоть никому и не расскажешь никогда! Это я потом подсунил тебе дубину на тротуар, которой ты огрел насильника в ваше следующее ночное путешествие – проверял, сколько у тебя разницы между словом и делом. А ещё кто-то, контуженный взрывом от трости Лупстрока, тут же распил со своим другом вина за то, что картина с моим ростовым портретом сгорела – помнишь эту мелочь? Ты меня немало порадовал – я ведь уже заждался такого, как ты!

Молодой император ничем не выдал своих чувств и спокойно произнёс:

– Я ничего этого не отрицаю. Можно было также добавить к этим эпизодам, что я говорил по адресу Рудольфа. Или эти слова тоже были приятны адресату?

Собеседник столь же спокойно пожал плечами в ответ.

– Разумеется. Особенно когда ещё оказались подкреплены делом – так и ещё раз порадовали. Ты ведь очень хотел отличаться от меня, верно? Но тебе досталось вовсе не то, с чем пришлось возиться мне, слава Единому Богу-Творцу! Однако тебе ничуть не легче придётся, и за тебя это никто не сделает. Коль скоро тебе не плевать то, что завоёвано, и тебе ценны твои люди. Планета, с которой ты ждёшь гостей, о которых тебе сообщил Кирхайс, называется Новая Оптина, она находится вот здесь, – с этими словами призрак бросил на край постели некий документ, – Миттельмайер, подберите, в ближайшее время будет не до изучения всего этого, тут случится землетрясение свыше десяти баллов по Рихтеру, так что самое время императрице вспомнить совет Оберштайна отвезти семью и ставку на курорт в горах, который был рекомендован им лично. Если, конечно, её не устраивает перспектива похоронить под обломками этого проклятого дома не только себя, мужа и сына, но и будущее всей державы.

– Я так понял, это не главный сюрприз? – по-прежнему спокойно проговорил Райнхард, не шевелясь. – В любом случае тебе придётся объясниться подробнее. Почему про эту планету нет никаких данных?

– Потому что я предпринял все меры, чтоб их не было. Слишком опасно в век нынешних технологий оставлять на виду последнюю святыню – оттого я и спрятал жителей планеты до времени хорошенько. Благодаря их наличию моя империя ещё держалась – потому что её территория была освящена. А на Новых Землях как царил сатана, так и продолжает – сам же

заметил, что таешь как снег во владениях республики. Конечно, ты хорошо придумал со столицей на Феззане – ничуть не плохо, как и с назначением Ройенталя, но именно этого фактора не учёл. Если Хайнессен – сгусток настоящей злобы, то Феззан – оплот равнодушия, Райнхард. Ну, умер бы ты окончательно, а на похоронах бы шарахнуло, стерев с поверхности планеты всех и вся, и радостные феззанцы плясали бы через три дня на обломках собственных домов от того, что им выпало счастье лицезреть кончину династии Лоэнграммов.

– Землетрясение искусственное? – отрывисто бросил Миттельмаейр.

Призрак величественно кивнул головой в знак согласия – сейчас он полностью был похож на живого военачальника в деле, кабы не сетка из искр, медленно плавающая по его фигуре.

– Слуги сатаны всегда изобретательны. Это – подарок оставшихся симпатизантов Рубинского, исполняют же остатки культа Земли из тех, кто якобы вышел из организации накануне её разгрома людьми Фернера. Зато оцените размер пиар-кампании среди суеверов – сколько бак можно выдумать про молодого императора, сколько грязи вылить, я-то начинал с трепыхания в такой гнили, что вам всем и не снилась даже. Уж поверьте, выбирать мне зачистую не приходилось вовсе – и ваше приключение с Лихтенладе просто безделица, право.

– Но как феззанцы могут пойти на это всего лишь из чистого желания ради забавы очернить императора – ведь погибнут их соотечественники, неизбежно? – с немалым удивлением спросила Хильда. – Да и какая грязь может пристать к его имени – всем известно, что...

– Сударыня, – снисходительным тоном перебил её ночной гость, – Вы слышали известную поговорку феззанцев – «если продаёшь отца и мать, не продешеви»? Подумайте о условиях и менталитете, который мог её породить. Феззанцы никогда не будут любить никого, сколько бы добра им не делали. Да одного Эмиля на службе у Вашего мужа хватит, чтоб сочинить пасквиль о венценосном педофиле, и самое поганое, что найдётся масса желающих таскаться с подобной грязью – это пример на поверхности, так сказать. Когда на Новых Землях поймут окончательно, что император Райнхард – это вовсе не странное недоразумение, которое легко устраняется весёлыми партизанами вроде остатков армии Союза и симпатизантами идей адмирала Яна, тут-то и начнётся самое жёсткое – курс на тотальное истребление, а правил они не признают никаких. Я мог себе позволить казнить двадцать тысяч дураков, чтоб не смели больше трогать моих людей – у династии Лоэнграммов такой свободы не имеется, увы. Но уж её-то никто щадить не будет, учтите.

– Я... думал об этом после гибели Кирхайса, – упавшим голосом очень медленно проговорил Райнхард. – У меня было желание просто прикончить всех, кто попал в плен, помню, он всплывало...

– Между прочим, тут стыдиться нечего, – быстро вставил призрак очень серьёзным тоном, – это вполне нормальная реакция на боль. Вспомни ещё, как тебя ломало до и после гибели Яна – и доставалось ведь твоим же самым верным людям. Или ещё, разве просто так погиб Сивельберг? Нельзя без защиты братья за опасные дела – вот мне как раз было в этом проще, но и меня не на всё хватило. Да, я сделал касту аристократов в самом грубом виде – а ничего другого вылепить из тогдашнего материала было невозможно, иначе бы система рухнула к чертям. Сюда же положение о семьях и друзьях провинившихся – это сейчас оно дико и безобразно выглядит, а для той публики, что досталась мне, это было единственное, что она понимала. И не надо думать, что мне всё это нравилось делать, Райнхард!

Молодой император прикрыл глаза – но так, что было понятно, что в нём закипает гнев.

– Да уж, стоит тебя покритиковать – так сразу в тебя же и превратишься... Помню я этот случай в грозу на Одине, когда мне сообщили про террористов с Феззана... И ещё одну грозу там хорошо помню...

Призрак добродушно улыбнулся – это выглядело столь же неожиданно, сколь и удивительно, Хильда отметила про себя, что основатель рейха на всех канонических изображениях суров и серьёзен – и подчёркнуто озорным жестом погладил себя ладонью по волосам:

– Хоть ты грозу и не любишь, а это самый удобный способ обдумать дела в две головы, верно? И самый лучший метод воздействия на остальных – не то станешь слишком предсказуем и закиснешь – впрочем, это ты понял уже и сам. В качестве благодарности за то, что ты уже сделал для моего детища, позволь тебе ещё кое-что сообщить – дабы ты наконец перестал считать себя виновным в гибели Кирхайса. Тебя не удивляло случайно то, что ни один из его подчинённых хорошо не кончил, даже Лютц, вместо которого выжил Мюллер, а все кинулись воевать на стороне заболевшего Ройенталя? Им всем нужен был кумир-символ, а не живой человек. Сам-то Кирхайс справился с этой болячкой, хоть и заплатил за это жизнью, а они не смогли, затаив злобу, которую вместо тебя принял на себя Оберштайн. И между тем они действительно планировали поменять тебя на Кирхайса – разумеется, нисколько не интересуясь его мнением на этот счёт. Те же, кто внушил им подобные мысли, предусмотрели всё – вплоть до легко разыгрываемого сценария его убийства, в котором очень достоверно уличили бы тебя. Вот что случилось бы, будь ты или корона прокляты. А галактика так и завязла бы в нескончаемых войнах, пока не взлетел бы президент Трюнихт, полностью лояльный к культуре Земли, который спокойно практикует не просто похищение людей с целью многолетних издевательств над ними, так что даже то, что вы видали в тюрьме, когда выручали друга – детский лепет, но и открытых человеческих жертвоприношений. Вот вся эта безобразная возня, на досуге ознакомьтесь, – он извлек из кармана целую пачку каких-то бумаг и дежурным жестом бросил так же на край постели. – Ты дважды спас Галактику ещё до того, как взял корону, Райнхард, и не будь тебя, вспыхнул бы не один Вестерленд, а неведомо сколько! Или ты забыл, что подобным оружием пользовался также Ян Вэньли, правда, без особого успеха, потому что воевал с тобой?

Это было слишком сильно для всех присутствующих – каждый почувствовал, что онемел на некоторое время, а Райнхард, заметив, что образ собеседника стоит перед его глазами вне слепоты, позволил себе уронить голову на грудь.

– Ничем ты мне не помог, хотя, возможно, пытался, – тихо проговорил он бесцветным голосом. – По всему выходит, что я – причина смерти Кирхайса, а Вестерленд я проворонил, хотя мог вмешаться. Документы я после проверю.

Призрак задумчиво покачал головой и воззрился на собеседника чересчур внимательно, будто хотел увидеть что-то ещё, чего не заметил раньше.

– Что ж, юноша, тебе оно простительно – опыта у тебя действительно ещё маловато, а не всякий к твоим годам останется столь чист. Однако есть вещи, которые люди решают сами за себя – ты здесь ни при чём, как ни крутись. Оберштайн тебе уже это доказал на себе, а точно также думали и Кирхайс, и Лютц, и Штайнметц, и Фаренхайт. И ещё куча народа, заметим – они знали, на что идут, и ты не мог им этого запретить при всём своём желании, которое, как видишь, решает далеко не всё в мире. А основное свойство этого мира таково, что каждый в нём получает, что сам на деле хочет – и это вовсе не иллюзия. Где у тебя гарантии, что ты бы УСПЕЛ вмешаться и спасти Вестерленд? Молчишь? Правильно делаешь, потому что их у тебя нет, только амбиции – раз. Предположим даже, что удалось перехватить атаку – и кто поверит, что герцог сам их навёл на своих подданных? А твоя репутация ни к чёрту – ибо клеветнешь на врага, два, и к мятежным аристократам убегают уже сами вестерлендские и куча колеблющихся – три. Тут и всем вам крышка, даже если бы и победили – то такой ценой, что Лихтенладе на законных основаниях казнит уже вас всех, якобы превысивших свои полномочия и допустивших столько потерь среди гражданских. И воевать с республикой некому – а у них есть хитрюга Ян, который, повторяю, в средствах не стесняется, когда на него жмёт Трюнихт. Вы тут все восторгались его военным гением, не понимая вовсе, что это просто марионетка сил тьмы! Вся его позиция – не мы такие, жизнь такая, логика панельной шлюхи, родной матери демократии! Понятия чести для республиканца не существует в принципе – ну отчего ж это

так трудно стало уяснить-то? Он всегда скажет, что обстоятельства были выше его – вот чем ты от него отличаешься, Райнхард!

Молодой император медленно поднял голову и открыл невидящие глаза.

– Звучит складно, но мне пока трудно с этим сразу согласиться. Это ведь ещё не всё, с чем ты пожаловал?

Кайзер Рудольф кивнул в ответ медленно и величественно, затем запустил пальцы правой руки себе за ворот, достал оттуда крупный серебряный кулон на массивной цепи и протянул его на ладони собеседнику:

– Это тебе велел передать Кирхайс – а я только рад выполнить такое поручение, просто возьми сейчас, а разглядишь позже. И кое-что на словах...

Райнхард молча кивнул, и Миттельмайер тут же осторожно взял его под плечо, поддерживая. Молодой император не торопясь протянул свою ладонь к приблизившемуся собеседнику и взял украшенную некими символами вещицу, не заметив даже, что тут же прошёлся по ним пальцами, как инстинктивно делают слепые со всеми предметами...

– Говори, – спокойно приказал он, сжав подарок в кулаке.

– Ещё на малое время свет есть с вами, ходите, пока есть свет, чтобы тьма не объяла вас, а ходящий во тьме не знает, куда идёт, – церемонно сказал Рудольф. – Новая Оптина, Райнхард, всё будет вовремя и как надо, и жалеть не о чем. Действуй, как решил – уже пора, – и огромная фигура кайзера склонилась в почтительном поклоне.

Лоэнграмм-старший озадаченно покачал головой.

– Что ж, быть по сему. Благодарю за службу.

Его собеседник не спеша выпрямился и вскинул руку в прощальном салюте:

– Это тебе спасибо, Райнхард, теперь я не жалею, что у меня не получилось сделать сына. Господь управил всё гораздо лучше, чем я хотел, и даже дал нам возможность повидаться.

– Мы больше не увидимся? – быстро спросил молодой император, подняв голову выше.

Лицо старшего императора озарила очень тёплая улыбка:

– Грозы случаются реже, чем ясное небо, но они не так уж и редки, – и он весело подмигнул при этом.

– Тогда уже и мне не жаль, что я – худший вид безотцовщины для всех остальных, – улыбнулся вдруг Райнхард. – Я постараюсь, насколько у меня хватит сил.

– Господь не даёт испытаний свыше, чем сможешь вынести, так что не робей, – послышалось уже намного тише, и фигура основателя рейха сначала сменилась неким фейерверком белых искр, а затем и они бесследно растаяли.

4. Дуэль

– Юлиан, у этого Рубинского и впрямь амбиции были как про него говорят, – вполголоса, но с апломбом хозяйки этого уголка обитаемого мира говорила Карин. – Мне даже нравится, что имперцы заняли этот его особнячок, он им вполне подходит по статусу. Всё же вкус у него был на уровне, просто приятно тут находиться.

– Что ни узурпатор верховной власти, так обязательно с эстетическим вкусом у него всё в порядке, – с тяжёлым вздохом печально ответил командующий республиканской армией.

Катерозе на секунду хищно оскалилась, но молнии в её глазах заплясали всерьёз и надолго:

– Что поделать, если это главное упущение Союза, исключая Трунихта, разумеется? Впрочем, он и сам тот ещё узурпатор, страшно подумать, что было бы, не подстрели его наш красавец генерал-губернатор! Кабы республиканцы хоть чуток уважали своих воинов, глядишь, судьба Союза была бы иной! А то – жрать с пластмассовой посуды – это ж курам на смех!

Юлиан почувствовал смутное раздражение – похоже, имя ему было всё-таки ревность...

– Как ты сказала? – он ещё не полностью очнулся от тяжёлых раздумий о предстоящем, но требовалось показывать, что он не игнорирует реальность. – НАШ генерал-губернатор, да ещё и красавец??? Что за компрадорская лексика, дорогая? Сколь бы не был выгоден на деле поступок Ройенталя, он не перестаёт быть противозаконным.

Катерозе в сердцах тряхнула головой – это означало, что её настроение могло уже испортиться...

– Милый, я сказала вообще-то правду – ты не можешь этого отрицать ни на каких условиях. Это был наш генерал-губернатор, он сделал для территории столько, сколько наши чинуши не сделали бы никогда за десятилетие. То, что он был красавец – это объективный факт, дорогой, странно лишь, что об этом все стыдливо молчат, а я не вижу причин помалкивать. Как ни печально, все истинные красавцы погибают, очень жаль, – она нежно погладила карман куртки, где лежал шёлковый мешочек с кудрями её отца, которые принёс ей Юлиан, и только в этот момент он услышал от неё долгожданное «я тебя люблю». – А что касается противозаконности... я не буду тебе напоминать, как относился к Трунихту адмирал Ян, но как насчёт того, что важнее – закон или человек? Если первое, то Союз погиб вполне себе логично!

Тут уже сам Юлиан замотал головой, отбрасывая дежурную рассеянность.

– Да сколько ж можно расхваливать имперцев по всяким поводам, в конце концов?! Теперь у тебя Ройенталь красавец, а что дальше? А ведь между тем не ты ли поощряла, когда твой отец бахвалился дуэлью с ним?

Катерозе против ожидания весело рассмеялась.

– Да, он очень смешно это делал, глупый взрослый ребёнок, вообразивший, что равен взрослому мужчине, – она томно прикрыла глаза, закинув руки за голову. – Конечно, поощряла – потому что знала, что дальше наших коридоров это не уйдёт, а погладить его по шёрстке очень хотелось. Захоти Ройенталь всерьёз его размазать – я бы с отцом не повидалась вовсе, так что у меня есть и свои причины говорить о нём правду, и плевать, что это имперец, даже такого ранга, Юлиан. Неужели неясно до сих пор? И потом, это вовсе не единственный красавец среди приближённых императора – их тут сотни – а наша армия не могла похвастаться наличием красивых мужчин никогда! – она резко поставила руки ладонями на талию и озорно открыла свои бездонные глаза, видимо, недовольная тем, что не дождалась поцелуя. – Кроме отца и Поплана даже назвать некого, ха-аха! Разве что адъютант Меркатца ещё прибил, но и он не местный, что называется.

Юлиан беспомощно развёл руками, насмерть сражённый этой женской логикой...

– Этак что же получается, что я тоже урод? – удивление было столь сильным, что у него не было сил даже обидеться. Собеседница воспользовалась этим его замешательством в полной мере для выполнения своих замыслов – налетев на него словно вихрь, Катерозе резко сжала его сильным объятием и припечатала крепким поцелуем, а затем столь же быстро отпустила, словно ничего этого только что не было.

– Ты вне конкурса вообще, милый, – назидательно сказала она, манерно покачав указательным пальцем у него перед носом. – Но нужно учитывать те статьи, где нас положили на лопатки, а не обижаться. Посмотри – даже наша типа бравая форма рядом с имперским мундиром просто лохмотья, а ведь встречают по одежке, как говорится... Когда феззанки шипят, видя нас, одно слово: «Оборванцы!» – я знаю, что они правы. Думаешь, мне приятно это осознавать? Наш уютный Изерлон строила тоже империя, не забывай.

Юлиан в ужасе схватился ладонями за виски. Столь мешанский взгляд на вещи был ему абсолютно чужд, но крыть было нечем. Не он ли сам молча воевал за чистоту и порядок в доме адмирала Яна, просто не задумываясь над бытовыми мелочами? Ведь действительно, даже семейство Казельн настоятельно давало понять всем своим существованием, что спартанские условия для людей – не самый лучший выбор, тем более, жить в них постоянно... А ещё в памяти всплыла старая феззанская язвительная острота: «В отличие от имперской армии,

в повстанцы брали кого попало, вот и результат, хи-хи!» Он не знал, что подруга тоже часто вспоминает мадам Казельн, но в связи с тем, что услышала от неё однажды...

«Карин, дорогая, все эти мужские игрушки – на деле просто чепуха, было б чем им заняться. Я действительно не разделяю ничьих убеждений – они чушь, вообще-то. Фредерика стала офицером только потому, что её отец был им – будь он судьёй или адвокатом, она стала бы юристом и точно так же нашла себе мужа, только семьянина посерьёзнее, честно говоря. Уж за год семейной жизни мог бы сделать девочке ребёнка – очень странный парень этот Вэньли. Я же стала женой перспективного офицера лишь потому, что знала, что моего парня всё равно пригребут в армию в нашем идиотском государстве. Мне был нужен он, а не трепотня о демократии и прочей ерунде. Он меня любит – и это всё, что мне от него нужно, взамен я даю ему понять, что он может всегда рассчитывать на меня. Всё. И мне без разницы, что там у него на воротнике – орёл, лев или триколорная ерунда с пятиугольником. Но пока ты не влюблена всерьёз, нечего цепляться за что попало – попадается обычно всякая мелочь. Не нужно бросаться людьми, тут ты права, но и разделять все их заморочки ты вовсе не обязана».

– Ты что ж, на самом деле недовольна тем, что не носишь обычное женское платье из солидарности со мной? – убитым голосом проговорил Юлиан. – Я дурак, что не подумал об этом.

– Это так, но что это меняет? – усмехнулась Катерозе. – Я достаточно хорошо смотрюсь и в форме, а надень я что гражданское – все решат, что ты завёл шашни с имперскими дамами и твоя репутация пострадает всерьёз. А вздумай ты напялить что-то вместо формы – считай, карта наша бита вовсе, раз подстраиваемся под победителей. До чего неприятно всё-таки разгребать чужие огрехи...

– Ты полностью права, – вздохнул Юлиан и наконец сообразил нежно обнять её.

– Что за шараду ты опять решаешь в уме? – проворковала она, погладив его по волосам. – Говори, я же вижу.

Юлиан снисходительно улыбнулся.

– Она называется «почему де Вилье хотел убить императора». Похоже, это из-за эпизода с ним мы получили ещё одну аудиенцию, а вовсе не из-за важности наших совместных соглашений.

Катерозе звонко и заразительно засмеялась.

– Всего-то? Да тут думать нечего даже. Не устоял перед искушением попытаться, вот и всё. А император просто великодушен, как все настоящие мужчины.

– То есть? – озадаченно переспросил Юлиан.

– То есть де Вилье эмоционален, как все честолюбцы, которых не устраивает сидеть на задворках мира и прозябать там со скуки. То есть он, будучи реальным лидером, завидовал императору, у которого получилось то, что он сам хотел бы сделать – вопрос, мог ли и прочая оставим в стороне, – азартно пустилась в пояснения подруга, величественно пылая жарким огнём в глазах. – Люди же часто дерутся не с реальными противниками, а со своими абстракциями, которые они наложили на образ других людей и назвали тех своими врагами. А эмоции – штука такая, которую нельзя недооценивать, иначе бы ты оставил де Вилье в живых, верно? Коль скоро же ты – последний, кто его видал, то тебя об этом и спрашивать – обычный полицейский опрос в таких случаях вовсе неэффективен, детали теряются. Ты ведь не всё знаешь из того, что известно императору по этому делу? Почём тебе в таком случае знать, что ему может быть интересно? Вот и не задавайся больше глупыми вопросами – лучше подумай, что привезём в подарок Шарлотте и её сестре.

Юлиан молча тяжело вздохнул – ему не нравились эти внезапные переходы на бытовые мелочи, но протестовать он опасался. Катерозе с таким удовольствием носилась по всем выставкам, музеям, концертам, спектаклям, которые вежливо предлагали посетить имперские сопровождающие, что он не мог даже помыслить о том, чтоб ей отказать: «Ну где же я ещё

могу увидеть такую красоту, Юлиан, ну сам посуди!» Приходилось сопровождать её, тем более что делать особо было нечего. Но и Аттенборо был прав в своих подозрениях, обронив как-то вполголоса: «По улицам слона водили...» И уж чего стоит это уведомление об аудиенции только для них двоих! Ощущение, что почва потихоньку уходила из-под ног, становилось всё навязчивее – так, должно быть, ощущал себя Ребелло, приняв на себя всю полноту власти в своё время. «Нету драки – нету популярности» – любил говаривать отец Карин, но что это за жизнь, если драка в ней – сплошная?

К счастью, а может, и наоборот, но думать стало некогда – появился церемонийстер с дежурными словами, и Юлиан, инстинктивно превратившись в галантного кавалера, повёл Катерозе под руку навстречу судьбе.

Огромная гостиная явно была рассчитана на немного скромный бал, не иначе – первое, что приходило на ум. Ребелло бы точно позавидовал, отчего-то подумалось само собой. И Фредерика бы тоже заценила – но для императора роскоши просто фатально недостаточно – резюмировал бы любой соотечественник... Какой удар по шаблону, в самом деле, сразу же – нет, не зря адмирал Ян вставал навтыжку на своём мостике, услышав сообщение о прибытии флагмана императора и отдавал честь – Юлиан все чаще ловил себя на том, что и сам еле держится, чтоб не вести себя подобным образом. А когда-то ненавидимый им за блестящие победы Лоэнграмм преспокойненько сидел сейчас на просторном диване, потому что ничего похожего на трон соорудить приказано не было, едва ли не спиной к гостям, и перебирал руками старинные клинки, в ножнах и без – от них и вправду нельзя было просто так отвести взгляд. Он был без плаща и верха мундира – после непонятного выздоровления от смертельной болезни он ходил так по-домашнему постоянно, и лишь пару раз в особо торжественных случаях выходил в полном церемониале. Золотые волосы сияли на ярко-синей рубахе дорогушей ткани, будто лучи солнца в полдень. На низком столике для сладостей и кофе тоже лежала пара шикарных клинков, так что, усевшись напротив в приготовленные для гостей кресла, посетители могли и сами до них дотронуться легко. Никого, кроме Эмиля, молча поднёсшего гостям чай, не было, и Юлиан, поначалу очень напрягшийся от этого, обнаружил, что побеждён этой нарочито домашней атмосферой.

Император весело кивнул и лучезарно улыбнулся, чуть подмигнув, прихлебнул из кружки первым:

– Молодцы, что пришли. Разбираю тут некоторые антикварные игрушки, решил и вас позвать, дело интересное. Вы ж не любители скучать, я так понял?

Эмиль молча поставил перед Катерозе вазу со сладостями. Та, помедлив, потянула к ней руку.

– Ну, как ни смешно прозвучит, – беспомощно развёл руками Юлиан, – а так получилось, вот и всё.

Райнхард весело и беззаботно рассмеялся.

– Вот так оно обычно и бывает, – получается само и как само хочет, верно? – он снова подмигнул, не переставая улыбаться, и взялся потягивать чай, просто сияя теплом и светом на гостей.

Юлиан молча кивнул.

– Вы прекрасно выглядите, Ваше величество! – с искренней радостью заявила вдруг Катерозе. – И... Ваша держава и люди тоже... – она умолкла, и Райнхард поблагодарил величественным кивком в её сторону. Он не был польщён, но доволен – и не желал этого скрывать, как видно. Юлиан не знал, что на деле означал этот обмен любезностями, и снова промолчал.

– Зачем ты окончательно убил де Вилье? – с лучезарным радушием спросил его император, однако было заметно, что вопрос вполне деловой. – Нужно было хотя бы допросить его, у нас ведь обоих были к нему счёты. Тоже мне деятель государственного уровня, хе-хе.

Юлиан тяжело вздохнул и покачал головой:

– Слишком ненавидел.

– Кабы ты его слишком ненавидел, – усмехнулся в ответ император, – так полез бы голыми руками душить и ногами пинать, а не прицельно расстреливать. Ты опасный противник, получается, верно? – он опрокинул в себя едва ли не всю кружку и застыл с улыбкой, от которой можно было ждать чего угодно.

Юлиана бросило в жар, и он лишь беспомощно пожал плечами. Ему захотелось отвести взгляд от этой улыбки, демонстрирующей всю истинную силу имперской мощи, и он поневоле остановил его на лежащих так близко и завораживающих любого мужчину клинках.

– Нравятся? – нарочито бесцеремонно поинтересовался Райнхард, прихлёбывая из кружки дальше и прищуриваясь, будто высматривал что-то, известное ему одному.

– Да, очень, – почтительно проговорил Юлиан, радуясь про себя перемене темы.

– Помнится, с топором ты управлялся неплохо на моём флагмане, – с лёгким оттенком пренебрежения заметил император, поставив пустую кружку на стол и замерев в этом положении, – а как ты в работе с таким оружием, для офицеров повыше твоего текущего звания, а? – его тон стал каким-то заговорщицким, и собеседник наконец мило улыбнулся в ответ.

– Не на тренировке ещё не дрался, – с искренним добродушием сообщил Юлиан и взялся за рукоять. – Да и столь дорогие гун-то мне видеть ещё не приходилось.

Катерозе занервничала, сама не понимая, отчего, и одним махом съела несколько сладких кусочков какого-то мармелада. Вкус был слишком силён – ничего подобного она раньше просто не пробовала.

– Может, проверим? – нарочито беззаботно бросил император, оставив кружку и непридуманно взяв в точности такой же, разве что с иными украшениями, клинок у себя с колен и чуть подняв его вверх. – Доставишь мне это удовольствие, а?

Юлиан, только что с радостным восторгом рассматривавший грозное оружие, застыл с потемневшим лицом.

– Шутить изволите, Ваше величество? Спарринг с Вами – и мне? – он даже не пытался скрыть своё потрясение, чем явно доставил удовольствие собеседнику.

– А что удивительного-то? – с напускным безразличием прокомментировал тот, неспешно вставая на ноги. – Как задираться к моим адмиралам в космосе – так нормально, как шастать по моему флагману без разрешения с бандой отморожков – так ничего, а как прямой поединок – так тебе удивительно? – он беззаботным жестом поправил гриву золотых волос, и застыл, картинным движением обнимая рукоять обоими руками. – Ну?

– Как Вам будет угодно, – совсем убитым голосом проговорил Юлиан, вставая. Он абсолютно не знал, что и думать – развесёлый тон императора скорее навевал ожидания, что всё сказанное – шутка...

– Благодарю за такие слова, – с величественным высокомерием усмехнулся Райнхард, кивнув головой. – А то мне очень угодно наконец разобраться с тобой, наглец, посмевавший обругать мою династию при моих же адмиралах, – его тон продолжал быть весёлым, но теперь стало понятно, что шутить он и не думает даже. – Болеть и умирать, значит? Да не дождёшься, дорогой наш командующий республиканцами, понятно? – улыбка императора осталась добродушной, но в глазах полыхнуло что-то уж совсем другого рода. – Сюда! – скомандовал он, чуть ли не прыжком выбираясь из-за стола и быстро двигаясь по открытому пространству гостиной. – Места тут хватит вполне.

Юлиан, совершенно ошеломлённый происходящим, еле нашёл в себе силы повиноваться. У него просто было недостаточно времени осознать, что всё это – не дурной сон... Император, будто продолжая от души развлекаться, не торопясь чертил своим оружием в воздухе перед собой знаки бесконечности.

– Ну, где тебя носит, олицетворение хаоса и безответственности? – с беззаботным смешком проронил он. – Давай, разбирайся со своим недоразумением, пока у тебя есть такая возможность, или ждёшь, что я передумаю?

Катерозе смотрела на него, как заворожённая, но вместе с тем на её лице начало проступать что-то ещё, вроде понимания неизвестно чего. Юлиан, оскорблённый тем, что её взгляд направлен не на него, поспешил приблизиться к противнику с криком: «К Вашим услугам, сударь!» и скрестить лезвия...

– Вот и славно, – с весёлым смехом отозвался император и атаковал с такой мощью, что Юлиан успел усомниться в своих силах вовсе и окончательно.

– Это тебе за Изерлон, – спокойно сказал Райнхард, не давая перейти в контратаку и как будто даже пританцовывая ради забавы, но от его тона повеяло ледяным холодом, да и глаза будто открыли космическую бездну с сиявшими там звёздами класса O2. – К нашим стычкам перейдём позже немного, – и тут Юлиан всерьёз испугался – по всему выходило, что отбиваться долго он не сможет, а император, похоже, просто решил его хладнокровно убить на поединке – что странного, в самом деле? Простое да изящное решение вопроса – не зря же адмирал Ян избегал чего-то подобного... никакой он дипломат, получается. Император тем временем, похоже, начал уже издеваться над ним, срезав дважды по пряди волос с каждой стороны, а затем – республиканский значок с груди. Внезапно Юлиану показалось, что не грех и сдать превосходящему противнику, и он, вполне достоверно сымитировав, что подскользнулся, грохнулся на спину. Райнхард вдруг сделал странное движение ногой – он будто проверял, где именно упал противник, и быстро убрал её, не упустив случая пребольно захватить каблуком по рёбрам...

– Ну, и где же прыжок с пола и удар обеими ногами? – с ледяным интересом спросил император, застыв с раскрытой грудью и задранным вверх оружием. – Чего ты ждёшь, в самом деле?

– Но это же будет нечестный приём, – деловито ответил Юлиан, не шевелясь.

– Как будто это кого-то когда-то смущало, – холодно прохохотал Райнхард. – Вот твоего учителя, кстати, точно не смущало – так лихо бортанул меня под Вермиллионом, что у нас это прямая аналогия.

– Это я ему там подсказал, вообще-то, – вежливо сообщил Юлиан, по-прежнему не шевелясь. – Вы уже почти выиграли, но я догадался и влез с пояснениями...

– Та-ак, – с невозмутимым интересом прокомментировал его противник, явно удивлённый, но полностью владеющий ситуацией. – За сообщение спасибо, но мы таки не закончили, ведь ты мне подставился, а это излишняя вежливость. Продолжим, вставай, – он роскошным жестом протянул ему свободную руку, и Юлиан понял, что бессмысленно отказываться. Он молча повиновался, довольный уже тем, что казнь, похоже, отменена. Драться вовсе не хотелось, но и попросить прекратить поединок при Карин он не мог.

– К спине и на пять шагов, – деловито скомандовал тем временем император. – Посмотрим, насколько ты опасен и хитёр.

На этот раз Юлиан не мог решить, получается ли у него эффективно держать оборону, или император снова забавляется. Но вскоре опасения, что его жизнь кончится после очередного изящного движения противника, снова не просто вошли в прежнюю силу, но стали ещё прочнее, чем в первый раз. И оно наступило, изящное движение, но совсем не такое, как он мог ожидать... Райнхард вдруг резко упал на спину, остановившись и обнимая рукоять меча обеими руками – и только то, что он не побледнел при этом, указало вождю республиканцев, что это не странная случайность в схватке, а что-то вполне себе продуманное.

– Ну, чего ты теперь смотришь? – прежним тоном спросил император. – Где удар наповал, я не понял?

– Вы же сами упали, Ваше величество, – с лёгкой укоризной ответил Юлиан, вежливо опустив клинок острием к полу. – Я видел, какой ещё удар наповал, шутите, что ли?

– Ну я же упал у себя на «Брунгильде», верно? – невозмутимо пояснил противник, не шевелясь. – Не будь рядом со мной пары моих адмиралов, да будь ваших людей вдвое побольше, к примеру – я бы недолго защищался сам, логично? – он снова весело расхохотался. – Что ж ты не взял реванш за ту неудачу-то?

Юлиан в ужасе прикрыл глаза свободной ладонью – он наконец понял, что боится.

– Я не хотел Вас убивать, Ваше величество, поверьте, – проговорил он упавшим голосом. – Эта авантюра была лишь для того, чтоб встретиться с Вами, но не более этого.

– Да ну? – вполне себе радостно вскочил на ноги Райнхард. – Разве капитан Шёнкопф тоже так думал? Кабы вы пришли вдвоём, он бы действовал быстрее, разве нет? – он искренне смеялся, но Юлиану было вовсе не до смеха. – Даже если ты сейчас не врешь, не думаю, что ты бы успел ему помешать меня прикончить.

– Я не позволил бы ему этого! – резко вскинулся Юлиан, резко отняв руку от глаз и положив её на талию. – Не знаю толком, как, но не позволил бы, это точно! Довольно и того, что погиб командующий Ян, не хватало ещё, чтоб и мой император! – последние слова он проговорил так, как раньше позволял себе только молча, когда смотрел на строй имперских кораблей, шепча: «Сегодня или никогда».

Райнхард понял и почувствовал эту искренность, однако всё выглядело так, будто она его вовсе не впечатлила. Он озорно, по-мальчишески присвистнул, вложив в это немалую долю издёвки.

– Да ты вообще чудовище, парень. Используешь людей, отправляя их на смерть ради своих интересов, врешь им, пользуешься чужой славой, а на деле тебе нужно лишь место поуютнее. Ну да все вы, демократы, такие, вам лишь бы капитал приобрести да невинность соблюсти, – холодно усмеялся он в ответ на ужас и растущий гнев противника. – Представляю себе этот сюрреализм – два мятежника дерутся за право распорядиться мной, одному я нужен трупом, а другому – исполнителем его капризов, ага...

– Вы... неправы, Ваше величество! – почти прошептал тот, уже закипая.

– Неужели я похож на идиота, который может поверить в то, что ты говоришь, а? – ехидно спросил император, лучезарно улыбнувшись вновь. – Не нужно меня настолько не уважать, право.

Юлиан понял лишь, что его трясёт от бешенства – и не очень понял, что делает...

– Защищайтесь, Ваше величество! – выпалил он и ринулся в атаку.

– Чудесно! – донёсся до него торжествующий голос Райнхарда. – Наконец-то я свободен от тебя...

Сталь звенела, как ни разу раньше, но весь гневный пыл развеялся уже на второй минуте поединка – а император как будто вовсе не притомился. Ещё через полминуты Юлиан горько пожалел о своей вспышке – а потом и вовсе начал леденеть от ужаса. Каменное лицо противника было непроницаемо, а жестокие удары сыпались так, что хотелось провалиться сквозь землю, только бы это страшное действие прекратилось. Юлиан всё чаще делал ошибки – а противник пока лишь больно лупил его то лезвием плашмя, то позволял себе достать его носком сапожка, однако было слишком хорошо понятно, что на деле пощады уже не будет, и это – лишь безжалостная забава перед настоящей расправой. Велеречивая формула «республиканцы не сгибают колен...» оказалась сейчас пустой фикцией – хотелось грохнуться на пол, обнять сапоги противника и умолять о пощаде. Но там, где-то далеко, за краем горизонта и реальности, была Карин, и об этом помнили оба сражающихся. Юлиан решил ждать, когда всё решится само – и уже примирился с мыслью, что скоро холодный, как глаза его владельца, клинок наконец войдёт в его тело, чтоб положить этому конец. Скорей бы уже... И он не заметил, как случайно подскользнулся и начал падать спиной на пол – уже совсем безотчётно... Полторы

секунды, у него почему-то было полторы секунды, оказывается, и он их бездарно спустил, столь сильно напуганный ожиданием смерти! Райнхард отчего-то помедлил это время, снова сделал то странное движение ногой, будто проверяя, где лежит противник, но на этот раз он крепко придавил ему грудь коленом, другим – свободную руку, а своей свободной рукой жёстко заблокировал руку с оружием, лихо замахнулся своим клинком, продолжая холодно и беспощадно улыбаться... Юлиан понял, что это и есть конец. Ему хотелось зажмуриться, но тут ледяную тишину прорезал истошный визг Карин:

– Не-ет, не надо!!! Ваше величество!

Райнхард будто ждал именно этого – а в сущности, так оно и было – и не только остановился, но и удовлетворённо кивнул головой в её сторону.

– Дама права, мне не надо пачкаться, – спокойно сказал он. – А ты с ней согласен?

Юлиан сообразил, что кроме Райнхарда, его лица сейчас никто не видит, и поспешно кивнул.

– А всё же как хочется снести тебе сейчас голову, и проблем нет, – задумчиво проговорил победитель. – Может, всё же так и поступим, а? Всё ж таки эта наша война, верно?

– Я Вам тут не советчик, – сквозь зубы процедил Юлиан. – Увольте.

– А вот это правильно, – весёлым и довольным тоном проговорил император. – Ты мне совсем не советчик, учти. – Катерозе фон Кройцер, – учтиво позвал он, медленно поднимаясь на ноги и опираясь на свой клинок, будто вдребезги уставший, – тут проблема, если дарить ему жизнь ради Вас, то он обидится и впадёт в чёрную меланхолию, так подскажите, как мне поступить.

По полу звонко застучали каблучки – это когда же она успела сменить обувь-то? Но факт остаётся фактом – Карин порхнула к императору и с непередаваемой грацией придворной дамы приложилась к его руке, грохнувшись на колени и уткнувшись чёлкой под пальцы сюзерена:

– Ваше величество, чего уж проще, подарите его жизнь мне, ведь мой отец и был капитан Шёнкопф, так что больше у меня никого и нет, – очень любезно проговорила она.

– Экое у нас сборище сирот получилось, – фыркнул император, и вдруг сделал жест, от которого оба гостя едва не потеряли дар речи – он прошёлся подушечками пальцев по лицу и плечам девушки, как это делают только слепые люди. – Действительно, красотка – да ещё и отец погиб на моём флагмане, дело дрянь. Дарю тебе жизнь этого паренька – всё ж лучше, чем ничего. Смотри не пожалей только об этом в будущем.

– Ваше величество, – не желала униматься Катерозе, – позвольте тогда задать вам один вопрос.

– Только в обмен на услугу, – лучезарно улыбнулся император. – Встань и поддержи меня под локоть, мне тяжело стоять после болезни.

– Слушаюсь, сир, – оторопело выполнила та, не понимая толком, в чём дело.

– А теперь отведи меня к своему креслу и усади туда – я не вижу, где оно, – стало заметно, что он глубоко и тяжело дышит, просто искусно скрывает это, и совсем ужаснувшаяся Катерозе осторожно выполнила указание. Затем, осмелев, провела ладонью прямо перед глазами Райнхарда – зрачки нисколько не шевельнулись, и она поняла, что холодный взгляд императора – это взгляд слепого, чьи глаза открыты.

– Не старайся, – сказал ей Райнхард, очевидно, почувствовав это движение. – Я действительно слепой, это факт – осложнения после болезни у меня ещё не прошли, – он лёг в кресло, как совершенно разбитый усталостью человек, не выпуская, впрочем, клинка из пальцев, только сейчас грозное оружие напоминало скорее трость по своему назначению. – Что за вопрос там у тебя?

– Ваше величество, – Катерозе очень смутилась, но отступать было поздно и невежливо, – это правда, что Вы забрались на трон, защищая свою сестру?

Райнхард тепло улыбнулся и спокойно пожал плечами:

– Конечно, правда – у меня вовсе не было выбора, что делать. А что?

– Да так, мне нужно было уточнить это, для будущей свекрови важный вопрос, – смущённо протараторила она, – в общем, женские споры в моём окружении нередки, а мне важно знать, что говорю.

– И кто же утверждает этот тезис? – с любопытством усмехнулся Райнхард, ему и в самом деле стало интересно.

– Я. Но это, в общем, не важно совсем, – вовсе смутилась Катерозе. – Может, вам ещё что-нибудь угодно?

– Уже да, – неспешно кивнул головой император. – Хочешь свадьбу у меня при дворе, Катерозе? Раз уж твой отец погиб на моём корабле, то я могу и заменить его хотя бы на этот раз, верно?

– Ваше величество! – только и смогла проговорить Карин, молча припав к его руке.

– Значит, да? – спокойно поинтересовался Райнхард. – Ты согласна?

– Конечно, да! – еле выговорила та, задохнувшись от накативших рыданий.

– Договорились. Моя сестра поможет тебе с платьем и всем остальным – она неплохо в этом разбирается, – улыбнулся император, но сейчас было заметно, что он и вправду устал, и сильно. – Юлиан, – чуть громче позвал он, – я тебе мог бы позавидовать, не будь я уже счастливо женат. Такую невесту даже в моей империи надо поискать, честно говоря, цени своё сокровище. Подойди уже сюда, вечно тебя где-то носит...

Юлиан подошёл – как только он услышал новость о слепоте императора, он так и сидел на полу, сжавшись в комок от стыда и ужаса. Да и сейчас его не особо смущало, что выглядит он, как побитая собака.

– Я понял всё, Ваше величество, – только и проговорил он, поклонившись.

– Вот и хорошо, если вправду понял, – вроде бы добродушно откликнулся Райнхард. – После поглядим, так ли это. Благодарю тебя за службу – я неплохо размялся, право.

– Вам не следовало этого делать, – с грустью заметил Юлиан. – Как мне теперь жить с этим позором?

– Опять глупости говоришь, – бесцеремонно оборвал его император. – Я просил тебя доставить мне удовольствие, разве ты забыл? Ты выполнил мою просьбу, вот и всё. А болтать об известном теперь обстоятельстве я не просил, так в чём проблема?

– Хорошо, пусть так, но Вы ведь тоже поняли, о чём я, – по-прежнему скорбно сказал республиканец.

– Возможно, – ослепительно улыбнулся собеседник. – Но сейчас я уже устал и попрошу меня оставить. Клинок можешь взять себе на память, и попрощаемся.

– Это... я не могу себе этого позволить, – еле выдохнул Юлиан, сам не свой от нового потрясения. – Простите, но...

– А я могу, – с лёгким вызовом ответил Райнхард. – И хочу, чтоб ты себе позволил...

– Юлиан, ты невежа, от милости императора не отказываются! – вскинулась в полный рост Катерозе. – Простите его, Ваше величество, его доконало известное обстоятельство – меня тоже, к слову. Может, дождёмся, когда оно наладится, и потом устроим свадьбу?

Райнхард сокрушённо покачал головой в ответ.

– Честно говоря, я не знаю, когда оно наладится, Катерозе. После об этом, если можно, а пока...

– Хорошо, хорошо, будет сделано, Ваше величество, – вежливо прощбетала та. – Пойдём, Юлиан, – с апломбом повелительницы добавила она, увлекая за собой своего жениха. Тот молча позволил не только вести себя, но и подобрать оружие, которым дрался, вместе с ножами – девушка лихо вложила в них клинок и забросила себе за спину. Когда они были уже на пороге, они услышали густой от усталости, но вполне себе мощный голос императора:

– Юлиан! – окликнул он противника, уже уронив голову на грудь и закрыв глаза.

– Да, Ваше величество, – поспешно отозвался тот.
– Юлиан, ты знаешь, почему ты проиграл?
– Так получилось, – только и смог ответить ему растерянный противник.
– Опять глупости, – проворчал император, не шевелясь. – Просто ты – безбожник, а я – нет, вот и весь расклад.

– Возможно, – ошарашенно пробормотал Юлиан – подобное и правда не приходило ему в голову.

– Не возможно, а факт, – жёстко заметил император. – Ты надеешься только на себя, а я уже давно не могу позволить себе подобную роскошь. А теперь подумай о результате – тебе полезно. До встречи, я позову.

– Хорошо, – пробормотал Минц, с трудом понимая, что тупо слушается жестов Карин, и больше ничего. Произошедшее было слишком сильно для того, чтоб он мог делать что-либо ещё, и двери наконец захлопнулись. В холле их уже ожидал озабоченный Аттенборо, но, взглянув на парочку, он решил не задавать никаких вопросов и молча сопроводил их в авто.

5. Драгоценная Екатерина

Катерозе угрюмо молчала весь путь до отеля. Однако её молчание отличалось каким-то внутренним колоссальным напряжением – она была точно взведённая пружина, норовившая нацелиться, кого бы снести при распрямлении. Казалось, что её вполне устраивало пришибленное до неизвестно какой степени состояние Юлиана – никакой заботы о нём она даже не пыталась проявить, заметил про себя Аттенборо. Хмуро глядя в никуда, поглаживая постоянно край ножен с гун-то, всегда ранее весёлая и томная Карин вдруг превратилась в некий ступор какой-то опасности – будто внутри сидела обойма шаровых молний, норовящих выскользнуть наружу и взорвать всё, что встретят на своём пути. Аттенборо понял, что боится, и решил играть в извечную невозмутимость.

В холле Карин нарушила молчание, но ничего интересного он так и не узнал:

– Пожалуйста, отведи Юлиана в номер и хорошенько накачай вискарём – я же сейчас прибуду, быстро, – вежливо попросила она и двинулась в лавку с бижутерией и сувенирами для туристов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.